

Эквалюниана Прямоушкина

Тима Прямоушкин, Ченгли, Пелеринка, Шайка... Стайка Лютикена, Махровы, Хокори, Спектральная Администрация и другие в первой книге Эквалюнианы

Српачеит

Орнамент Орнамент

Фиеста Прямоушкина

Серия «Эквалюниана», книга 1

<https://litres.ru/73771604>

SelfPub; 2026

Аннотация

НАIOW!)... а тем временем, старую, тяжёлую ригидную и чрезмерно приторную "Эквалюниану" ожидает тотальный мета-перезапуск с динамичным, ещё более глубоким сюжетом и безумием в стиле 2019!!! Месяцы капитального ремонта привели меня, Орнамента, к первому выпуску "Всевидающего Компьютера", который либо уже опубликован, либо будет опубликован очень скоро ;)))

На Эквалюниум придёт "Эпоха удивляться!", а как относиться к этому - личное дело каждого. Ведь, к сожалению, не все на звездолёте готовы встретить новое время с распростёртыми объятьями - вот кот-талисман Прямоушкин, например, искренне пытается от неё ускользнуть. Годы его свершений, как ему кажется, давно прошли, быт его выстроен и приятен. А мысли о героизмах всё чаще обретают горький привкус.

Но Спектр не стремится его отпустить, даже больше: велит талисману дать начало злополучной "Эпохе" - в последние часы до

нового 945 года в модуль на Фонтанском холме приходят весьма неожиданные гости. И просьба их не менее удивительна...

Содержание

ПРОЛОГ. Нашлась дорожка в бесконечности	5
1. Прямоушкин посмотрел телевизор	12
2. Ченгли и Пелеринка	18
3. На территории хищника	28
4. Прямоушкин эвакуируется	43
5. Хокори	55
6. Консул забыл слово!	77
7. Пускай Звезда купается	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Орнамент Фиеста Прямоушкина

Первая книга Эквалюнианы

ПРОЛОГ. Нашлась дорожка в бесконечности

Карусель

Тьмы не наблюдается. Везде потоки света. Так ведь и не скажешь, что космос – это пустота. Вечно здесь что-то происходит, и чего тут только нет.

Интересные личности здесь тоже встречаются, причём куда чаще, чем многие думают. И не найдётся примера во всех смыслах ярче, чем многоуважаемый Дом Мерцающих. Вернее, то, что от него осталось:

Густав Гармоничный и Диана Безмятежная были очень близки. Близки духовно и пространственно – друг от друга они отстояли всего на половину светового года. Они бережно относились к своей внешности, демонстрировали неорто-

доксальный вкус в одежде и имели весьма утончённые манеры – как и полагается галактическим аристократам среднего возраста. Тем не менее, задора в себе они не убили, никогда не стеснялись откровенничать, и, не в пример своим божественным предкам, славились искренним гостеприимством.

Их гравитационная связь притянула многие тысячи астероидов:

– А почему бы и нет, а? Давай оставим! – предложил тогда Густав.

– Ты же мой сердобольный, – улыбнулась ему Диана. Оставили.

Астероиды привели за собой белых карликов:

– Так и светлее будет, – нашлась Диана.

– Хех, и правда! – согласился Густав.

Приняли.

А дальше – одно за другим. Семья пополнялась. Космическая милюзга всё искала пристанище, и встраивалась в общую карусель.

...И вот, однажды в неё встроился *Эквалюниум*¹.

Что-что, а встретить на своём веку настоящий звездолёт Густав и Диана даже не надеялись. Эпоха, когда такие были в ходу, давно миновала, и уже как минимум пять поколений Мерцающих видели эти величественные машины только в

¹ Полное наименование, найденное историками на древней паспортной пластине: Устройство для длительных межзвёздных перемещений космический корабль среднего класса на трансмутаторном приводе “Эквалюниум-18”

чужих проекциях памяти.

– Ну... А что от нас убудет? – сказал тогда Густав.

– Да ничего, – ответила Диана, – Почему бы и нет? В нашем возрасте вполне солидно собирать антиквариат.

– Пожалуй.

Эквалюниум точно не был самым большим звездолётом из когда-либо созданных, но его размеры всё равно поражали воображение – он ровно помещался в ладонь Дианы, и чётко просматривался среди остальных небесных тел. Внешне он напоминал блюдце, и имел на содержании скромную жёлтую Звезду.

Четыре магнитных дуги не давали ему завалиться на бок.

...И на борту его находился всего один пассажир.

Густав и Диана, конечно, догадывались, что вместе со звездолётом они пустили на порог и кого-то ещё. Правда, слишком поздно поняли, кого именно.

Космический авантюрист 17-Ладошек², насколько умный, настолько и хитрый, давно скрывался на Эквалюниуме. По

² ...он же Инженер – неразвоплотимый пустотный разум. При помощи целой сети узоров видит всё и всех. Концентрирует всю свою мощь в незримый клубок радиусом в 20 000 километров и создаёт манифестации – 17 пятипалых звездолётов-манипуляторов с функцией свободного перемещения. Стоит отметить, кстати, что непосредственно управляет Инженер только одной ладошкой, а она уже распределяет обязанности среди остальных. Притом, общаются ладошки жестовым языком, что для стороннего наблюдателя представляет весьма необычное зрелище. А при необходимости межгалактических перелётов ладошки сцепляются в единый "Божественный корабль" с размахом крыльев в 100 000 километров и переносят Инженера на скорости света.

всей Вселенной оставил он свои звёздные узоры. Он всё видел, и всё слышал. Он терпеливо изучал. Густав и Диана, сами того не зная, подарили ему наконец всё необходимое для овладения *Спектром*. Так он называл движущее начало всех вещей – “обогащённый сплав любви и музыки”, “первую энергию в основе у всего”.

Многого ему стоило воплотить в жизнь свою давнюю мечту, свой великий замысел. Но всё же, движимый Спектром, Эквалюниум ожил.

Так под опекой Густава и Дианы оказался целый мир. А с этим пришли новые хлопоты и переживания.

Их воспитанники оказались вполне смысленными, хотя и наивными. Они трепетали перед своими звёздными покровителями, и рассыпались знаками внимания.

В повседневности за ними не водилось плакаться по мелочам, да и вообще, слишком щепетильное отношение к вещам и событиям не приветствовалось. Они больше улыбались, а любой танец мог поработить их душу – настолько они любили движение, гибкость и грацию.

Густаву и Диане действительно удалось воспитать в них тягу к красоте в любом её проявлении. Вывести эту естественную страсть из подкорки и сделать её осмысленной.

Так вот, к сегодняшнему дню весьма разношёрстная эквалюнианская цивилизация почти ни в чём не уступила бы некогда великому Дому Мерцающих. Ну, кроме размеров, конечно...

Дела настоящего

Эквалюниум вынырнул из газопылевого облака и разогнал кучку крохотных звёзд. Он уверенно шёл по курсу, оставляя за собой длинный шлейф из спектральных иллюзий. Он приближался к Густаву.

Тот как раз оглядывал свои владения.

– Малыши прилетели! – радостно проговорил он, лишь завидев свой любимый звездолёт, – Дианочка, лучик ты мой, малыши прилетели!

– Подумай только! – удивилась Диана, – Мы и чаю попить не успели, а на Эквалюниуме уже год прошёл. Время шутки шутит.

– И не говори... – задумался Густав, – И какой у них там теперь наступает? 945-й вроде... – прикинул он.

К слову, год на Эквалюниуме – это время, за которое тот пролетает от Дианы до Густава или наоборот – то есть, 278 дней³.

³ Эквалюнианский календарь включает 11 месяцев: 10 (Хотебринк, Котебринк, Светабринк, Панданк, Беланк, Сотворинк, Мандаринк, Тортебринк, Любанк) по 27 дней и 1 месяц, Звездосон, в котором дней 8. Новый год на Эквалюниуме наступает в ночь на первое Звездосна. Один Эквалюнианский метр равен пяти земным.

– А что, уже празднуют? – поинтересовалась Диана.

– Да не-ет, что ты! Ещё рано. Они даже на поворот ещё не зашли.

– Ну... А подарочек? Подарочек-то отправили?

– Хм-хм... – хвастливо поиграл плечами Густав, – Отправили... И, уверяю тебя, на этот раз ты точно не угадаешь, что это такое.

– Да уж наверняка какая-то безделушка, – усмехнулась Диана, – Как и всегда. Угадаю с двух букв.

– Не-а, – заигрывал Густав, – Бери больше. Я так подумал, безделушки мы и сами сделать можем. А это вещь полезная.

– Что ж, удиви, – поправила Диана перчатки и склонилась в любопытстве.

Густав многозначительно откашлялся, выдохнул, и хлопнул в ладоши:

– Дианочка, любовь моя, нам связь провели!

– Ты ж мой центробежный! – захлопала Диана по коленкам, – Что, правда? Да ну, врёшь...

– Ну не надо. Квантовый мост у нас один, врать мы не умеем... – вытащил Густав из кармана компактное устройство в светлом глянцевом корпусе.

– У нас и... И телефон будет что ли?

– Конечно, а как иначе? Причём у каждого свой. Тебе на следующий год принесут. Его же ещё произвести нужно.

– У меня свой телефон... – хихикнула Диана, – Было бы, кому рассказать – так и те бы не поверили. ...Что ж, в этом

году не прогадал, должна признать. Прости за безделушки.

– Да ничего, – махнул Густав и глотнул чая, – Просто, видишь ли, куда годится – мы с малышами только в Праздник Эквалюниума и общаемся. А так сможем круглый год.

– Ой, и то верно! А то совсем мы их упустим, – восхищалась Диана.

– А я о чём? – подхватил Густав, – Я же ведь тоже думал, мол забудут они нас со своим озорством. А вот, – погладил он телефон, – Теперь уж пусть попробуют... Предлагаю начать... как это там... налаживать контакт незамедлительно.

Поддерживаешь?

– Безусловно.

И Густав позвонил вслепую.

Эквалюниана: книга первая.

Придёт эпоха удивляться.

1. Прямоушкин посмотрел телевизор

Кот Прямоушкин почивал на лаврах. Как талисман, с годами он становился всё менее востребован. Дошло до того, что вспоминать о нём стали только по праздникам. Но его это давно уже не задевало.

Он поприбрался в своём жилище, отвёл целую нишу под коллекцию икебаны и позволил себе слегка уйти в ширь. А ещё он пустил хохолок, да какой! С розова серебряный и шелковистый, он доходил до плеч, и величественно развивался на ветру.

Прямоушкин гордился своим хохолком, и никогда не жалел на него времени. Он подзывал расчёску, усаживался на подушечку, и погружался в мысли.

Прямо как сейчас.

Да уж, возможно, не держись он так за свой чудесный модуль на Фонтанском холме, так тотчас же оставил бы оскудневшую контору, да вернулся бы в школу. Только сейчас, уже в весьма уважаемом возрасте, он понял, сколько не дослушал. Наверняка, учитель помог бы объяснить его странное предчувствие.

Прямоушкин знал – что-то будет, но не мог сказать, где,

когда и с кем.

– Лишь бы только не здесь, не в ближайшее время... И не со мной, – зевал он.

Эту фразу он повторял чуть ли не ежедневно, будто какое-то заклинание. И всё бы ничего, но вот только работало это “заклинание” плохо. Спектр то и дело подбрасывал Прямоушкину намёки и не давал успокоиться. Возможно, конечно, тот вновь и вновь по-талисмански переоценивал самые простые совпадения, но вот только совпадений этих тоже становилось только больше...

“Придёт эпоха удивляться!”

Донёсся вдруг нежный клавишный голос.

Прямоушкину сразу перехотелось зевать. Он вскочил на колени, подозвал телевизор и уставился на экран:

В канун Праздника неподражаемая Хайку Пелла выступает по программам Весёлой Телестудии с новой песней – плывёт по сцене блондинка, покручивая Скипетром, и синее платье её отражает свет. И так она счастлива, и так собой довольна!

А вот Прямоушкину только беспокойнее. Ещё один намёк. Ведь это не просто какая-нибудь певица – это Спектральный Администратор, вторая из шестерых. Принцесса Музаары, она заведует всем прекрасным, так что попросту тратить голос не будет.

Песни у неё пророческие.

Вот от кого, а от своей любимой Хайку Прямоушкин та-

кого предательства не ожидал. Ничего не мешало ей, как и в прошлые годы, спеть о том, как всё у всех будет хорошо, и как всё у всех пойдёт гладко. Но нет.

– ”Придёт эпоха удивляться”! – ворчал Прямоушкин, – Получите, мой блохастый, и распишитесь. А вот что с этим делать – решайте как-нибудь сами...

Он понадувал щёки, помялся на подушечке и бросил в пустоту:

– А главное-то, в каком это ещё смысле – “удивляться”?

...И пустота ответила:

– Хочется полагать, в хорошем. В конце-концов – в хорошем.

Это интерфейс модуля уловил негативные тенденции, и поспешил успокоить хозяина. Он поднял фрагмент пола под Прямоушкиным и плавно понёс к панорамному окну.

Прямоушкин встал:

– Утешил, называется...

– А что же, хотите сказать, нет? – удивился интерфейс.

– Сам подумай, “в конце-концов”. Очень удобный ответ – когда-нибудь, что называется, но когда-нибудь потом... Понимаю, может обывателю этого и будет достаточно... Но я... не обыватель, – переступил Прямоушкин на платформу у окна и пригладил хохолок.

– Ну не будьте же вы таким букой! – ответил интерфейс, – Всё-таки праздник на носу.

Кот топнул ногой и отвернулся к окну:

– И... И... И никакой я не бука! Что ещё за слово такое? Я просто... Просто... – усиленно искал он красивые слова, – Я просто несколько больше других беспокоюсь о судьбе этого мира. Вот и всё.

Интерфейс выдержал необходимую паузу:

– А мне кажется, вы просто сами ещё не определились, о чём бы побеспокоиться.

Прямоушкин постоял, попыхтел, но ничего достойного не придумал. Пришлось поддаться.

Он, кажется, подуспокоился.

– Будут поручения? – аккуратно поинтересовался интерфейс.

– Да, – кинул кот в некотором стеснении, – Открой окно.

Стекло с еле заметным свистом спряталось в пазах, и в нос ударило свежестью.

Прямоушкин вздохнул:

– Ответы приносит ветер. А ветер в закрытое окно не залетит.

– Зафиксировать? – предложил интерфейс, – Интересная фраза.

– Нет, – улыбнулся кот, – Не надо... Она давно в сети у вас болтается. Это так учитель говорил.

– ...И с каких это пор вам школа вспоминается?

– С недавних. В том-то и дело.

Воздух, кажется, стал ещё свежее. Усы поймали немного пыльцы.

Два шандарина⁴ склонялись над модулем кота. Побегии шли по внешней обшивке и служили дневным убежищем для мотыльков.

Открывалась панорама Хромантаци – светлая страна лежала в ста шагах и уходила далеко за горизонт.

Плотную застройку разбавляли здесь парки и умеренный рельеф. Фасады пестрили узорами. Копьевидные осветители венчали крыши.

Высотки оплела растительность – золотые кроны шандаринов украшали вертикальные сады и над проспектами сплетались с жакарандами.

Мерно сменялись воздушные комплексы, в скверах прорастали Мураксаны⁵. В глыбах Вечной Фауны покоились слоны.

Приятный мотив из телевизора не затихал. Хайку перестала петь, и теперь её дыхание органично встраивалось в партию клавишных. Она, должно быть, ждала аплодисментов, но Прямоушкину казалось, что она смотрит прямо ему в спину и на что-то надеется.

– К нам же, бывает, заходят по праздникам, – деловито цокнул кот, – Так что, давай-ка, подай запрос на... – прикидывал он, – Пять-шесть маффинов Серебрянка, и развари

⁴ Весьма изящные мандариновые деревья с золотыми листьями. Активно плодоносят под конец года. Шандарины на звездолёте исторически принято подстригать – кронам придают правильные формы.

⁵ Эндемический вид вишнёвого дерева.

лапши.

– ...А?

– Пять порций. Выполнять.

– С удовольствием, – приступил интерфейс.

Прямоушкин же не отворачивался от окна. Эмоции поутихли, но предчувствие никуда не делось.

Он должен был кого-то разглядеть среди толпы.

2. Ченгли и Пелеринка

Громко сказано. Если бы предчувствие умело выражаться конкретнее, Прямоушкин бы давно уже всё понял.

Но сейчас он смотрел вообще не туда, куда следовало бы. А следовало бы приглядеться к тому самому модулю, что стоял у подножия холма и немного портил вид.

Заняли его некогда совершенно обычные люди – Николай и Маргарита Махровы. Как и подобает совершенно обычным эквалюнианам, они невероятно любили меняться, и никогда не скрывали своего счастья, если в обмен получали какие-нибудь своевременные “ништяки” или прелестные опаловые монетки.

Вообще, дай эквалюнианину волю, так он и целый день будет рассказывать о том, что у него есть.

Махровы расположились на террасе. Они позвали изрядно гостей и приглашали к столу прогуливающихся. Благо им было, на кого положиться в подготовке нехитрых угощений...

– Густав Гармоничный! Господин Мерцающий!

Чайная фея округлила глаза.

Вообще-то ей не стоило отвлекаться от работы. Но за шумом разговора хозяева модуля совсем не слышали звонка. Пришлось ответить.

А только она поняла, с кем общается, так сразу же забыла и о шести чашках чая с лимоном, и о порции пирожных на свой вкус.

– Счастья тебе, и шумной тебе ночи! – хором поздравили Густав и Диана.

– Спа-с-спасибо!

Телефонная станция зависла на уровне глаз хозяев, и из принципа отказывалась спускаться ради чайной феи, так что той приходилось прыгать и тянуться изо всех сил.

– А как тебя зовут? – спросила Диана.

– Пелеринка я.

С другой стороны немного помолчали.

– П-Пелеринка? Интересное имя, – собрался Густав.

– Ага, – задорно ответила фея, – У нас у всех имена интересные. А составляются просто. Я давно поняла, как. Я сейчас расскажу. Хотите?

– Аэ..

– Так вот, очень просто: придёт на ум пелерина – назовут Пелеринкой, придёт на ум лампочка – назовут Лампочкой. Вот. С мальчиками по-другому немного... Там...

– Ух-ты, к-какие у вас, однако, эксцентричные родители... – прикусила Диана губу, – Они случайно не работали в библиотеке?

– Не-е-т, – удивлённо протянула Пелеринка.

– Не работали? – спросил Густав.

– Не работали. А ещё они совсем не экзенктричные, – сно-

ва встала Пелеринка на цыпочки и прошла вокруг телефонной станции, – Я, конечно, не знаю, что это значит, но они точно не такие. Вот. Да и вообще, какими бы они ни были, у меня их нету.

Диана прикрыла рот:

– Ой... Извини, малышка, мы же не знали...

– Да вы не бойтесь! У нас ни у кого родителей нет. Мы же чайные феи! Мы из Спектра появляемся. Сами по себе. Выйдешь из трубуковой завязи, раз – и ты тут. Здорово, правда? Мы каждый день новеньких встречаем.

– ...Чайные феи? – переспросила Диана.

Удивительно, как целый разумный вид ускользнул от взора Мерцающих. Ведь вообще-то Густав и Диана вели в своей системе тщательный учёт абсолютно всего и абсолютно всех.

Но вот, видимо, не всех.

– А мы о таких не знаем... – сказал Густав, – Может, расскажешь? Вкратце.

Пелеринка рассказывает за милу душу. Даже если не совсем понимает, о чём.

– Ой, да конечно! – подпрыгнула она, – Все говорят, что мы маленькие, кругленькие... И... И... – отмахнулась она от пуфика, что тёрся об её ноги и предлагал посадить, – И ещё от нас пахнет бергамотом. Вот... У нас вообще-то целая страна есть, Сахарочи называется. Это к ...Левым Кале-бдру-ю-ш-щим⁶ от Тайтолюмы⁷. Нас оттуда по хозяевам

⁶ Навигация на Эквалюниуме осуществляется относительно двух пар двига-

рассылают.

– И чем же вы занимаетесь, когда вас... разошлют? – спросил Густав.

– Чаем и занимаемся. Да. Ну и развлекаем, когда грустно. Танцуем хорошо...

– Ясно, так и запишем, – немного невежливо, но методически верно прервала её Диана, – А вот не могла бы ты нам помочь, Пелеринка?

– Вам? – отпрыгнула фея, – Ой, я, конечно, с удовольствием, но сейчас меня приняли Махровы, и мне, наверное, спросить бы надо...

– Да нет, мы не об этом, – успокоил её Густав, – С телефоном помочь.

– А что случилось?

– Да сломался он, кажется. Мы кому только не звонили, и всё же ты пока единственная, кто трубку не бросил.

– Думаю, люди просто заняты, – объяснила Пелеринка...

телей: Ходовых и Калибрующих. Пара "Обратные-Нейтральные" эквивалентна земным Северу и Югу, а пара "Левые Калибрующие-Правые Калибрующие" – Западу и Востоку. Ходовые двигатели необходимы для обеспечения движения звездолёта, Калибрующие – для поддержания курса. За два месяца хотя бы один двигатель должен выйти из строя.

⁷ Аккуратная компактная страна почти на самом краю света. Столица Эквалониума, официальная настолько, насколько это возможно. Там есть озеро Тайто с уютным плавучим поселением Покойту, а также одноимённая гора с модулем Весёлой Телестудии внутри. И над вершиной горы зависла станция Соцветие, на борту которой обычно проходят собрания Спектральной Администрации..... Впрочем, сейчас Соцветие закрыта на ремонт, так что собрания проходят где попало.

и тут же вздрогнула, – Ой, а я ведь тоже занята. Занята-занята-занята! – окружила она помещение, и спешно попрощалась, – Вы уж извините, я совсем забыла! Забы-ыла! Звоните ещё, хорошо?

– Ой, – кивнула Диана, – Конеч... .

Пелеринка прекратила звонок и зашевелила ручками. Она рассервировала три подноса, переоделась, навела причёску, и сообщила хозяевам:

– Иду с угощением!

С террасы донеслись одобрительные возгласы.

В соответствии с ритуалом, Пелеринка расположила один поднос над своими руками, а двум другим велела не отставать. Она миновала коридор и вышла на свет.

– Ты просто чудо! – похвалила её хозяйка, и с чашкой чая развалилась на софе-банане.

Пелеринка сделала реверанс и отправила подносы гостям.

Пирожные разошлись настолько быстро, что хозяин с трудом отвоевал себе половинку. Слишком уж он увлёкся – раздавал гравированные перья из старой отцовской коллекции и предавался воспоминаниям.

Хозяин в один укус проглотил пирожное, запил чаем и с удовольствием выдохнул.

– Чудо-чудо, – похлопал он по животу, потеснил супругу на софе и глянул на фею.

Та свела пяточки и кивнула.

Хозяин прекрасно понимал, чего она ждёт. С неделю она

просила их взять её с собой в Изобилику – понабрать обновок. И хозяин, честно говоря, взял бы, если бы не гости. Нет, вряд ли господин Махров стеснялся Пелеринки, но прерывать её, когда она заболтается, было и так-то не очень приятно... а как будет в присутствии родни?

Он откашлялся, помялся, и сказал:

– Знаешь, Пелеринка, мы тут подумали, поговорили... И так решили, что лучше бы тебе сегодня с нами не ходить.

Пелеринка очевидно расстроилась, но постаралась не потерять стати.

Хозяин продолжал:

– Нам тут передали о ситуации в Изобилике. И я тебе так скажу, чайным феям туда лучше не соваться. Затопчут.

Пелеринка удрученно отряхнула юбку:

– Ой... Ну там же сегодня туфли выдают. Как раз на мой размер это. Из этих я, видите, давно выросла. Выросла. А сколько по Хромантачи не ходила в другое время, так только для людей и котов обувь видела... – завела она.

Хозяйка жестом остановила словарный поток, и успокоилась:

– Мы тебе их и сами возьмём, хорошо? А если тебе уж так сильно хочется, мы туда вдвоём сходим в Хотебринк.

– Хотебринк только через восемь дней наступит, – провела Пелеринка по полу носком, – Но если вы прямо обещаете-обещаете – то ладно, – улыбнулась она.

– Обещаю-обещаю, – ответила хозяйка, – А сегодня... Да

побудь хотя бы дома. Мало ли, может ещё пирожных сделаешь?

Гости что-то одобрительно промычали с набитым ртом, и уже начали потихоньку готовиться к выходу. Пелеринка прошагала по террасе, попросила софу поднять её на оградку и стала наблюдать за гуляющими в Фонтанском парке.

Там катались. И сегодня особенно много. Специальные подошвы позволяли любому мало-мальски подвижному скользить по воздуху. Это как ледовые коньки у нас, на Земле, только трение не мешает и острых элементов нет.

Площади Фонтанского парка заполнял характерный переливчатый звук – все в ярком, легко одетые, жители Хромантаци носились и пробовали трюки.

...Но вдруг среди мелькающих ног показалась фигурка:

У мальчика была необычная причёска – с чёлкой и вплетёнными проволочками. Носил он светлое, подпоясывался. Движения его были точные и резкие – он ловко проскакивал между катающимися и держал наготове два огромных трубуковых веера.

Пелеринка закричала от радости:

– Это же наш! Смотрите, смотрите! Это же наш, да! – показала она пальцем.

Хозяин попросил супругу с гостями немного подождать, и присоединился к фее. Он пригляделся и тоже заметил мальчика:

– Это тоже чайная фея? – удивлённо спросил он.

– Не-е-а, – протянула Пелеринка, – Это веерант. Они не умеют готовить чай. Их учат защищать тех, кто живёт среди столбов.

Махров нашёл это весьма интересным:

– Э-эй, пацанёнок! Давай к нам!

Веерант услышал, но не сразу понял, кто его позвал. Он поморгал, оглянулся и поймал-таки взглядом находящихся на террасе.

Пелеринка помахала ему.

Веерант преодолел площадь и добежал до модуля по главной лестнице. Он остановился в воротах и ждал разрешения.

– Ну что ты там? – окликнул его Махров.

– Я могу войти? – спросил Веерант; голос его напоминал губную гармошку.

– Ну я же пригласил, – развёл руками хозяин.

Среди гостей прошли смешки.

Веерант проскользнул на террасу, и встал рядом с Пелеринкой.

– Здравствуй, сестра, – протянул он ей руку.

Пелеринка не ожидала такого жеста. Рукопожатия в её жизни случались редко, так что она не сразу сориентировалась. Веерант же поспешил сгладить ситуацию – схватил её за правую руку и потрёс, как плетё.

Как же они были похожи! Сами, словно статуэтки, ресницы, будто лезвия, и взгляд, что сильнее слов – непрощающий, но удивительно добрый. Мудрый взгляд.

– Как тебя зовут? – спросила Пелеринка.

– Я Ченгли, – ответил веерант, преклонив голову, – Ченгли я.

Махров наклонился над ним и провёл по волосам:

– Ну и по какому делу ты так далеко от Сахарочи, Ченгли?

Веерант загадочно хмыкнул – взвесил, стоило ли отвечать, как есть:

– ...Чайные феи хотят научиться праздновать наступление года. Прямо как и вы, – улыбался он, – Меня отправили к коту-талисману. Говорили, он поможет. Я его уже очень... долго ищу. И, честно говоря, не удивлюсь, если и вы не сможете мне сказать, где он живёт, – достал Ченгли планшет и принялся переключать страницы, – Говорят, “местная достопримечательность”, “памятник эпохи”... Хорош памятник, хи-хи, – наконец нашёл он нужную страницу и прочитал, – Тима Прямо...

– ...ушкин, – продолжила Махрова, – Обижаешь, веерант. Мы-то знаем. Он живёт на вершине этого холма, – показала она на модуль, что немного походил на перископ, – Вот только ходить я к нему не советую. Очень... Сложный тип.

– Сложный? – не понял Ченгли.

– Конечно, – усмехнулся Махров, – Как ещё назвать того, кто на вопрос “Как дела?” ответит “Относительно”? Он... Вечно... Знаешь... Какой-то угрюмый.

Ченгли призадумался и поводил глазами.

Махров же закончил:

– Не знаю, мы уже шестой год на одном холме живём, а я до сих пор к нему не привык... Так что, тёплого приёма не обещаю, Ченгли.

– Я это учту.

Махрова подумала, и вдруг предложила:

– Может, Пелеринка, ты проводишь нашего гостя вверх по лестнице?

3. На территории хищника

Чайные феи поднимались на холм. Ченгли ловко скакал по музыкальным ступенькам, и подтягивал Пелеринку за руку.

– И как бы ты без меня справился? – повторяла она, проворачиваясь на одной ноге.

Ченгли шутил:

– Ага-ага. Правда, я до сих пор не понимаю, кто кого провозжает.

Прямоушкин смотрел на них сверху-вниз, и не сомневался – вот о ком говорило предчувствие.

Но вопросов от того не становилось меньше. Даже наоборот. Вновь возникло волнение.

И интерфейс его только подогрел:

– И с чем таким они сюда идут? – отвлёкся он от стрижки газона.

– Меня больше интересует, как от этого отвязаться, – пригладил Прямоушкин хохолок.

Предчувствие усиливалось с каждой минутой – события приближались, и чайные феи точно были как-то с ними связаны.

Хорошо хоть Прямоушкин умел составить беседу так, чтобы вытянуть из человека даже то, что он и сам о себе не

знал.

Ченгли и Пелеринка, тем временем, прошли по людной улочке вдоль Петличного утёса, преодолели последнюю лестницу и оказались наконец у талисмана на заднем дворе.

Пространство здесь украшали парящие клумбы. Цифровые опылители заботились о цветах и дополняли композицию. Блоки дворников справились с задачей, и теперь просто слонялись из стороны в сторону.

В стену утёса здесь уходила пещера – ручей задевал связки, и создавал голоса. У небольшого плазмопада⁸ стояла скромная беседка с гамаком.

– Мы зашли на территорию хищника, – оценил Ченгли; он засмотрелся на два откровенных барельефа у входной группы, – Вроде и солнечно, и плазма такая же прозрачная... Но, кажется, мне всё-таки стоило нарисовать открытку. Может, нас и не зря предупредили, – кивнул он Пелеринке.

Ту передёрнуло от волнения.

Створки дверей раскрылись, и на световых табло появилось приглашение в вестибюль.

– Что-то ты меня напугал! – махнула Пелеринка, – Напугал! – спряталась она Ченгли за спину, – Ты первым пойдёшь!

⁸ “Плазма” в данном случае – второй, после иллюзий, продукт обработки ове­ществлённого Спектра. По сути являет собой обогащённую воду с более вязкой консистенцией. Тем не менее, так же интересна акустически – выдаёт приятный “колеблющийся звон” при механическом воздействии. Воды в земном понимании на звездолёте нет.

Веерант улыбнулся ещё шире.

Он никогда не терялся в спорных ситуациях, ведь всё-таки смог когда-то удержать в голове одну важную истину: если тебя отправляют на миссию – значит, ты либо где-то показал себя самым способным, либо нахулиганил так, как не хулиганил никто.

И хотя Ченгли не мог сказать точно, что же случилось именно с ним, он прекрасно понимал – и первое, и второе требует незаурядных способностей. А у Ченгли они были, хотя он и не знал, в чём.

Он взял Пелеринку за руку и бодро двинулся вперёд – загнувшись о ступеньку в вестибюле, придержал спутницу и проследовал по узкому коридору в главный зал.

Продолговатая комната заканчивалась панорамным окном. Сглаженные выступы и ниши красовались по бокам. По ним шла лента освещения. С потолка свисали гроздья винограда.

В центральном углублении лежали две подушечки, а рядом с ними висел кофейный стол – такое вот истинно экваторианское приглашение.

Чайные феи ступали с опаской. Ченгли пристально наблюдал за хозяином.

– Вот он, хищник! – думал он, – Как и обещали.

“Могущественнейший белый талисман, хитрейший властитель умов” хмурился, шаркал по полу и сдвигал пряди. На нём была вязаная кофта с орнаментом из одуванчиков – рас-

шिताя, она восхищала Пелеринку – янтарные кнопки бликовали каждый раз, когда кот хватался за спину.

Прямоушкин старался не выказывать волнения. Он взбил третью подушечку, уселся на неё в позе лотоса и взял со стола тарелку.

Феи подошли ещё ближе. Ченгли топнул, заградил Пелеринку веером, приставил к сердцу кулак, и с вызовом выдал:

– Здравствуй, большая кошка. Мы не боимся тебя, и сме-ем просить о помощи, – голос отдавался эхом.

Прямоушкин глянул на него исподлобья, всосал горсть лапши, и ответил:

– Ты не в себе? К чему такой официоз? Не сказать, чтобы мои размеры выходили за рамки нормы. По крайней мере, пока, – пригласил он гостей сесть, и продолжил, – Чем ногами топать, лучше бы составили мне компанию. Не стесняйтесь, возьмите что-нибудь со стола... Э... Маффины будете?

– Мне бы просто чаю, – поёрзал Ченгли, – Если он у тебя есть.

– ...Забавно, – осознал вдруг Прямоушкин, – Самое главное-то я и забыл. В-возраст. Но вы не беспокойтесь. Я подам запрос, и минуты через две...

– Зачем же? – подвинулась Пелеринка, – Вам же повезло! К вам я пришла!

Прямоушкин всплеснул руками:

– Я бы с удовольствием... Но мне, честно говоря, нечего предложить в обмен.

– ”То же мне, повезло...” – подумал он.

Пелеринка же вскочила, сделала реверанс, и разложила ингредиенты на столе:

– Глупости! Это вы нас плохо знаете. Мы ничего и не берём. Карманы у нас маленькие, а чай – наш смысл жизни. Да. Вот увидите – ни один интерфейс не приготовит так, как я. Вы ещё к Махровым в гости ходить будете...

– Мне не разбавлять! – натянул Прямоушкин улыбку и неловко постучал зубами, – Так-э... Вижу, нам лучше сразу перейти к делам, – выпучил он глаза, – И с чем же вы ко мне пришли?

Прямоушкин опустил взгляд на стол, не досчитался одного маффина и в недоумении повернулся к Ченгли.

Тот облизал губы, построил глазки и ответил по-веерантски спокойно:

– Тут так просто не получится.

– Неужели? – отправил Прямоушкин тарелку на стол и принял позу поудобнее.

Пелеринка проиграла на ксилофоне мелодию и разослала чашки с чаем.

Прямоушкин одобрительно кивнул.

Ченгли же погладил фею по макушке и вернулся к разговору:

– Да. Тут объяснять нужно, – предупредил он.

– Ну так объясняй, – усмехнулся талисман.

Веерант процедил воздух и сказал:

– Ты-то знаешь, наверное, что у нас, среди столбов, всё немного иначе, – надул он губы.

– Ещё бы не знать, – поправил Прямоушкин хохолок, – Не могу, конечно, сказать, что разбираюсь в вашей культуре, но я смотрел о вас несколько фильмов... Это правда, кстати, что вы и года по-своему считаете?

Пелеринка с радостью ответила:

– Ой, а это да! Знаете, как?

– Ы...

– Сейчас расскажу! Там очень просто – когда наместницы скажут – тогда и год наступит. Бывает, у нас год идёт неделю... А...

– И какой же у вас теперь год? – распахнул Прямоушкин глаза.

– Пятый, – ответил Ченгли, пытаясь скрыть стеснение.

– Пятый? – натянул Прямоушкин своё фирменное выражение и мурлыкнул.

Ченгли поспешил объяснить:

– Однажды наместницы забыли, который год, и мы начали считать заново.

– Так и живём, – добавила Пелеринка.

– Мурраак... – посмеялся Прямоушкин.

Веерант же его успокоил:

– Но больше такого не будет. Обещаю. Наместницы согласились отмечать Праздник Эквалюниума так же, как и все.

Талисман пододвинулся к столу и внимательно посмотрел

на гостей:

– А это любопытно... Мне казалось, Шант Ханум не сильно-то хочет менять ваш образ жизни.

– Почему не хочет? – подняла Пелеринка глаза, – Она много чего придумывает. Только боится, что мы не поймём.

Прямоушкин отхлебнул чая и задумчиво фыркнул.

Ченгли аккуратно заметил:

– Честно говоря, с Праздником действительно не её идея.

– А чья же? – покосился Талисман

Веерант с облегчением выдохнул, достал световой планшет и сунул Прямоушкину.

– Тёмного Талисмана! – гордо ответил он.

Прямоушкин машинально перенял планшет и будто бы поплавился. Он отвернулся, окинул гостей взглядом, полным ужаса, и прочитал на открытой странице:

“Спектр послал вестника. Хочу надеяться, что ты это предвидел.

Исполни просьбу этого вееранта. Если всё произойдет так, как я того ожидаю, тебе точно будет, чем заняться в ближайшее время. Так что, планов не строй.

Ты, надеюсь, помнишь: понадобится – я тебя из под земли достану.

С наилучшими пожеланиями Дядя Трилли, Неподражаемый или Многоликий (в твоём случае Многоликий, я всё пом-

Вот так. Беспокойство оправдалось.

Спектр всё-таки очень ироничен. Прямоушкин это знал с пелёнок, и всё же каждый раз удивлялся его жестокой изобретательности. Кто бы знал, что ему, в его весьма почтенные годы, придётся так вот просто встать и принести на звездолёт целую новую эпоху.... Не десятилетиями ранее, когда каждому бы впору стать героем, а вот прямо сейчас – когда и форма уже заметно подрастерялась, да и, чего греха таить, возвращать её и не хочется.

– *”Глупо спорить со Спектром – он сведёт тебя с ума, но своего добьётся...”* – вновь вспомнились наставления.

Вообще-то Тёмный Талисман много говорил о характере Спектра. Но Прямоушкин предпочитал пропускать мимо ушей то, что считал бесполезным. Его, в своё время, куда больше интересовало, как бы на этом самом Спектре поднять себе репутацию.

И не сказать, что он не был тогда по-своему прав... Но теперь он безуспешно пытался вытрясти из бездны памяти хотя бы крупицы утерянной мудрости.

Вот бы выплыло хоть что-нибудь полезное...

Прямоушкин удалил страницу и отправил планшет Ченгли.

Ченгли несколько насторожила реакция кота. В своей же

⁹ Максимально точный перевод с Любояза.

манере, но куда осторожнее он пояснил:

– Он просил передать. Я, честно, не читал. Не читал. Я обещания держу.

– Мгм, – промычал Прямоушкин и покосился.

– Он назвался твоим учителем, – добавил Ченгли, – И если это правда так, то он о тебе отличного мнения.

– Приятно знать, – насупил талисман брови, – И что же он там про меня рассказал?

– Ой, много чего. Не думаю, что для тебя что-то из этого будет новостью, – закатил веерант глаза, и продолжил куда более возбуждённо (всё-таки, он долго к этому подводил), – А правда, что ты можешь вкладывать в чужие головы правильные мысли? – нагнулся он над столом.

Пелеринка задохнулась от восторга.

Прямоушкин снова глянул на гостей исподлобья, молча вскочил с места и принялся нарезать круги по комнате.

– ”Какая глупость!” – подумал он.

– Скромничает, – шепнул Ченгли.

Пелеринка хихикнула.

Талисман остановился:

– И что же ты хочешь попросить, ве-ерант? Скажи уже прямо!

– Я хочу принести на Сахарочи Праздник Эквалюниума, – отчеканил Ченгли.

Прямоушкин припал к стене:

– Это я уже понял... – нагнулся он, – Я хочу конкретики.

Неужели мой старик и сам не мог вам ничего рассказать о том, как праздновать начало года?

– Мог. И рассказал, – нашёлся Ченгли, – А за самым главным всё равно послал сюда, в Хромантачи. Он посчитал, что тебе, как местному, известно куда больше.

Прямоушкин зажмурился. Он, кажется, начал понимать, о чём идёт речь:

– Учитель говорил что-нибудь про... Небесную охоту?

– Вот! – указал Ченгли, – Вот про это он и просил тебя рассказать.

И Пелеринка вдруг вспомнила:

– Ой, Небесная охота? Так я и сама рассказать могу. Сама могу. Это мне Коля рассказывал... – опустилась она над столом и начала рисовать в воздухе пылью, – Вечером двадцать седьмого Любанка в Хромантачи прилетает огромный куай-ланг, призрачный пёс такой, по имени Хокори, – смотрелась фея, как настоящий сказитель, – Он очень громко рычит, и то и дело залетает в чужие модули, чтобы напугать... Но знаете, он сам боится мандаринов. Так говорят. Кинешь в него – и он улетит. Вот. А в полной темноте, когда Звезда устанет, на охоту выйдет Шайка... ой... *Стайка* Птиц из страны Лютикен¹⁰. Они закуют Хокори в ледяную глыбу и

¹⁰ Страна у Правых Калибрующих. Как и Тайтолюма, примыкает к краю света. Представляет собой сложное геологическое образование – сформированную Флоксовой рекой и пятью озёрами сеть обширных каньонов, уходящих вглубь звездолёта на несколько температурных уровней. Высший температурный уровень там – обширные плато и вершины столовых гор, изобилующие лютиками

понесут по миру – показывать. Вот... Я ведь правильно рассказала? – обратилась она к Прямоушкину.

Тот согласился:

– Да. В целом, так. Это очень давняя традиция... И Птицы никогда не проигрывали.

Ненадолго опустилась тишина.

Ченгли что-то замышлял. Он водил пальцем по столу и причмокивал.

Прямоушкин не сводил с него глаз. Он чётко решил – что бы веерант не попросил, он точно откажет.

Над столом зависла фигура из пылицы. Пелеринка изобразила Хокори очень просто, и даже не совсем правильно – он напоминал скорее крокодила, чем пса. Пасть у него получилась непропорционально широкой.

Ченгли размазал фигуру веером и глянул на кота.

– Ты хочешь сам поймать Хокори, верно? – грустно произнёс Прямоушкин.

– Да! – решительно ответил Ченгли, – Я сам поймаю этого призрака и улечу на нём в Сахарочи!... На нём же можно летать, так ведь?... В общем-м, ты согласен? Я в долгу не

и флоксами. На уровнях ниже растительность становится куда скромнее, а в какой-то момент исчезает вовсе. На пониженных слоях круглогодично сохраняется снежный покров – они расположены ниже теплообменной сети. Свет Звезды туда почти не проникает – лыжные трассы освещаются искусственно. Плотность населения в Лютикене небольшая. Поселения в основном подвесные (сегодня скорее “парящие”) – над озёрами в каменных арках. Управление страны размещается во Флоксовом дворце. Он занимает обширные площади внутри каменных формаций и включает километры траншей.

останусь. Сахарочи в долгу не останется – вееранты и чайные феи будут помогать тебе целый год. Мы благодарить умеем.

Прямоушкину даже думать не хотелось, с чем там этот веерант собрался ему помогать.

– Боюсь, ты с этим не справишься, – нашёл он вполне, по его мнению, разумный аргумент, – Ты не сможешь тягаться с Птицами.

– Это ты зря, – подполз Ченгли и встал на ноги, – Я живу среди Птиц. У них много квартир там, по ложбинам. Мы отлично друг друга понимаем. И договориться сможем, если что.

Прямоушкин нетерпеливо просопел, и медленно повёл вееранта к выходу:

– О, мой дорогой, это не те птицы. Они в квартирах не ютятся, и на ветках не чирикают. Этим шестерым доверили управлять на звездолёте погодой, готовить подарки Мерцающим... Да и чего они только не делают, знаешь ли... Пожалуй, никто ещё не познал Спектр лучше, чем они. Обхитрить этих сумасшедших не получится.

– Так я за этим к тебе и пришёл! Сделай так, чтобы получилось! – глянул Ченгли прямо ему в душу.

Всё-таки взгляд чайной феи – объект, достойный глубочайшего изучения.

И хотя Прямоушкина он не околдовал, тот всё-таки решил сменить тактику:

– Хорошо, – сложил он лапы на груди, – У тебя всё полу-

чится.

Пелеринка только услышала, сразу подбежала к ним.

Веерант осматривался:

– ...И это всё? – удивился он.

– А чего же ты хотел? – пожал Прямоушкин плечами.

– А разве тебе не нужно ничего там... Сделать? – покачал веерант головой, – Хотя бы рукой махнуть?

Прямоушкин глубоко вздохнул:

– Настоящему специалисту достаточно взмаха ресничкой.

Чайные феи улынулись друг другу.

Ченгли поклонился коту:

– Я вернусь, как всё сделаю!

– Да. А мы подождём тебя здесь! – ответила ему Пелеринка и подошла к Прямоушкину.

А тот оцепенел:

– Прошу прощения... Что значит “мы”?

– Ну... – смутилась Пелеринка, – Махровы отказались взять меня с собой. И я так подумала, раз уж мне всё равно пришлось подниматься сюда, зачем возвращаться в пустой дом?... Или вам со мной не понравилось?

Прямоушкин не любил такие вопросы.

– ... А почему бы тебе не пойти с твоим братом веерантом? Замечательное приключение. И погуляете, и полетаете... Возьмитесь за ручки, спросите мороженого... Что вы там ещё обычно делаете?

Чайные феи, как по команде, взяли за руки, и немного

подались назад. Они смотрели на Прямоушкина, будто замороженные.

Но Пелеринка предупредила:

– Нам обычно не разрешают братья за руки. Мы сразу кучковаться начинаем.

– Это ещё что такое? – совсем замучился Прямоушкин.

Пелеринка ответила:

– Ну мы же маленькие, хрупкие существа. Мы постоянно куч-куч-куемся.

– Где было две чайных феи – станет три, – дополнил Верант.

– А там и четыре! – слышалось со стороны входа.

– О! – обернулся Ченгли, – Когараши! И тебя нелёгкая занесла?

... И феи загалдели.

Ченгли представил Пелеринке старого друга. Вместе они принялись вспоминать всё то, что учинили в родной стране.

Прямоушкин аж немного растерялся.

Он неловко повертелся, повздыхал для спектакля, и окончательно убедился в том, что гостям пора на выход:

– Ну вот-э... Ну вот-э... – старался Прямоушкин перекричать фей, – Ну вот и славно! – привлёк он наконец-то их внимание, – Вместе вам будет легче, – подводил он гостей к выходу, – Давайте-давайте, не теряйте времени. Может Хокори уже в воздухе! – остановился кот на крыльце.

Чайные феи по очереди покидали помещение с улыбками

на лицах.

– Первый, второй, – считал их Прямоушкин, – Третий, чет... .. Четвёртый?! – опомнился он.

– Жди нас с победой! – помахал талисману Ченгли.

Сама наивность.

4. Прямоушкин эвакуируется

На заднем двореке всё то же. Вот только чайных фей уже там нет. За ними это водится – исчезают они так же ловко, как и появляются.

Прямоушкин не стал утруждать себя и думать над тем, куда они пропали. Он сдвинул двери, последний раз просмотрел по окошкам, и открыл гардеробную.

– И что же вы скажете, когда они вернутся с пустыми руками? – наблюдал за ним интерфейс.

– Не поздновато ты об этом задумался? – застегнул Прямоушкин пиджак, выбрал новый орнамент на лацканы и поберег шею.

– Не позже вашего, – ответил интерфейс.

– Ещё чего! – усмехнулся Прямоушкин и случайно задел иглу.

– Именно так, – произнёс интерфейс назидательно, – Уж больно скоро вы засобирались.

Талисман утомлённо вздохнул:

– Не вызывай к моей совести, Сноба, – обернулся он к туалетному столику, – Так говоришь, будто мы первый раз с тобой такое проворачиваем. Когда они вернутся, никого в этом модуле уже не будет... Затеряюсь где-нибудь на Красочном Проспекте, а они подождут-подождут, да забудут про

эту глупость... Невелика потеря – ещё один год без чайных фей.

– ...И что же написать на табло? – разочарованно произнёс интерфейс.

– ”Техобслуживание”, – посмеялся Прямоушкин.

Он всё крутился перед зеркалом и не мог наглядеться на свой хохолок.

И тут его вдруг осенило: он ведь чуть не ушёл без своего любимого аксессуара – четырёх чудесных солнечных обручей.

Прямоушкин открыл нишу с самым личным, достал с витрины обручи и уменьшил. Он красиво вплёл их в хохолок.

Примечательно, что хотя Прямоушкин и не соврал, что ему, как талисману, для работы не нужно ничем “размахивать”, эти два обруча помогали ему сосредоточиться. Каждый раз, когда ему приходилось читать разные цепи событий, он брал обручи и играл с ними – вертел, соединял, выполнял упражнения...

Сегодня же он, как раз наоборот – надеялся, что для работы они ему не пригодятся. Дело в том, что эти исключительно кошачьи игрушки в умелых руках... лапах превращаются в подспорье на все случаи жизни: где придержат, где подсветят. А самое главное – они, как и всё кошачье ведьмовство, не в полной мере подчиняются законам Спектра, а потому спокойно нейтрализуют иллюзии.

– Чудесные штучки, – ещё повертелся Прямоушкин и вы-

ключил свет.

Тем временем чайные феи засели у беседки в саду камней. Они перешли на родной язык и зашептались.

Звон плазменного ручья заглушал их.

Ченгли не отпускал Пелеринку. Он то и дело поглядывал на модуль кота и всё молчал.

– Ой... – осознал вдруг Когараши, – А мне показалось, или кот так и не сказал, что именно мы должны делать?

Шёпот стих.

– Не показалось, – улыбнулся Ченгли.

Пелеринка почесала голову:

– Мы ведь и не заметили...

А У-Син испугался:

– Он нас обманул что ли?

Помолчали.

Ченгли окинул всех таинственным взглядом, увёл к пещере и велел спрятаться за выступом. Сам же продолжил наблюдать:

– Не может быть, – сказал он, – Талисманы так не поступают. Это он проверяет, достойны мы, или нет.

Остальные, очевидно, не поняли. Ченгли пояснил:

– Смотрит он, победим ли мы, сломя голову, или... проявим терпение.

– А-а-а... – протянул Когараши, – А как долго терпеть надо?

– Пока он не начнёт посылать нам мысли. Тёмный Талис-

ман говорил, что его ученик может посылать правильные мысли.

Когараши задумался. Он провёл рукой по стене и случайно дёрнул связку – нота “си”, пропетая фальцетом, прорезала воздух, ушла вглубь пещеры и постепенно сократилась до пустого потустороннего шороха.

Обсыпало лепестками.

Феи с испугом смотрели на товарища, а тот стыдливо дулся.

Впрочем, он подсобрался, и аккуратно спросил:

– А... А как мы поймём, что он посылает нам мысли?

Ченгли отвернулся и долго думал. Он глубоко вздохнул, и выдвинул:

– Мы должны наблюдать за ним, и сами догадываться, как поступать.

Чайные феи запереглядывались. Очевидно, им понравился замысел.

И тут Когараши понял:

– Так, наверное, он и эту мысль тебе послал, а? – прикрыл он руками рот.

Ченгли не мог надивиться:

– Ну чародей... – покачал он головой.

А У-Син испугался:

– Так тут ведь мозги нужно будет повключать... А то знаем этих наставников – не поймёшь, чего хотят!

Пелеринка заметалась:

– Ой, а Махровы говорили, что я мозги никогда не включаю! Не трудно вам будет со мной такой вот... ?

– У тебя есть я, – остановил её Ченгли, – И я держу тебя за руку. Вдвоём глупее не окажемся.

– Да! – хлопнул Когараши Ченгли по спине, – Будем думать сообща. Тем более, нас уже пятеро.

Ченгли согласился, но вдруг остановил болтовню и командовал всем спрятаться – двери модуля раскрылись.

На пороге появился талисман, и выглядел он ещё блистательнее.

Прямоушкин осматривался. Звук с Петличного утёса не пронёсся мимо его ушей – верный признак того, что во дворе кто-то есть.

Хотя переживать было не о чем – эквалюнианин в занятый модуль не завалится. Но в памяти талисмана ещё жили отголоски тех лет, когда на звездолёте ещё было принято запирать двери.

Прямоушкин осмотрел модуль со всех сторон, подышал немного над обрывом, недовольно просопел и двинул по лестнице.

Ченгли ловил каждое его движение.

– Ну что, послал что-нибудь? Послал? – дёргал Когараши.

– Да, – ответил Ченгли, и скрылся с Пелеринкой в мшистых проходах, – Нам нужно следовать за ним! Держимся пещер, не будем его отвлекать!

– Ну чародей! – Когараши и У-Син с Росинкой последо-

вали за ними...

Прямоушкин вышагивал по музыкальным ступенькам, и нехотя поздравлял соседей. Тем грело душу, что такое лицо не обделило их вниманием на Праздник. Кто-то приглашал его на маффины, кто-то обещал развлечений, но кот отказывался и шёл себе дальше под сводами осветителей.

Ещё не хватало лишней работы! А прими он приглашение – такая точно свалится.

Петличный утёс не замолкал. Прямоушкина преследовала нелепая сбивчивая акапелла. Его это пугало.

Пещеры следили за ним, а за плазмападами кто-то прятался...

Неужели Спектр и правда задумал его довести?

Точно нет... А если да, то к чему готовиться? Прямоушкин из кожи вон вылезет, но правоту свою докажет!

– Что-то здесь не так... – снова прицепилось из ниоткуда.

Талисман ускорился. И как удивились соседи, когда он перешёл на четыре лапы!

... В проходы пробивался свет.

У-Син запинался за связки и падал. Росинке приходилось поднимать его и отряхивать. Пожалуй, она совсем бы утомилась, если бы на помощь не подросла Сорочка – шестая. Они взяли У-Сина за руки и ноги, и уже хотели бежать за остальными, но очень сильно отстали.

Благо, там, где-то впереди, Ченгли тоже запнулся и нелепо взвизгнул.

Нашлись по голосу.

Прямоушкин же доскакал до главных ворот, миновал сады и встал на ноги. Он отряхнулся, проверил, не нашёл ли кто-нибудь его поведение странным, и энергично зашагал среди фонтанских павильонов.

Плазма била вверх, и ветер подхватывал брызги. Вокруг катались: господа валились на подушечки и кувыркались на газонах.

Прямоушкин отвечал на приветствия, но старался не сбавлять темп. К тому же, ему не повезло глянуть правее – у подножия утёса рухнул человек. Просто летел, неведь на что наткнулся, и звучно шлёпнулся на площадь.

Талисман отвернулся, набрал воздуха и пошёл ещё быстрее.

Потерпевший же старался объяснить произошедшее. Не сказать, что его настроение было испорчено, но он остался несколько озадачен. Он осмотрелся, и нашёл возле себя веранта:

– Извините. Это мы не досмотрели, – отдал Ин-Гай потерпевшему банку с авторским кремом, и будто растворился.

Когда нужно, чайные феи могут так спрятаться, что в жизни не найдёшь.

Ин-Гай, седьмой, догнал остальных и подхватил У-Сина – столкновение дало понять, что того лучше вообще не выпускать из рук.

Чайные феи обогнали кота по второму ярусу, повалили

ещё пару человек и остановились у скамьи под мандарином.

– Ну что, послал ещё что-нибудь? Послал? – запыхался Когараши.

Ченгли смахнул пот:

– Может, и послал... но до меня ещё не дошло, – хихикнул он и сжал губки.

А У-Син испугался:

– А может и не послал! А вдруг не послал, а? – вырвался он и прокатился по газону, – Этот ваш талисман выглядит так, будто вообще никого видеть не хочет... Куда уж там – помогать... Вы точно с ним договорились?

Пелеринка глянула на Ченгли с испугом.

Тот, впрочем, отреагировал спокойно:

– Да, будь уверен, – поднял он У-Сина, – Притом, с нами господин Прямоушкин был очень даже вежлив...

– И очень-очень обходителен, – покивала Пелеринка.

Когараши поводит носочком:

– Ну... Обходителен-то – обходителен... Но он и правда доверия не вселяет. Вообще не похож на того, кто готов помогать. Да, ребята?

– Точно не похож! Не похож, Ченгли! – добавила Росинка.

– Соглашусь! – подхватил Ин-Гай.

– А что происходит? – спросил Коулун, восьмой.

– А я устала! – поникла Сорочка.

– Чщц! – развёл руками Ченгли, – Ещё как похож! Вот увидите... И давайте тише. Нас не видно, но слышно.

– Да! – пнула Пелеринка ствол, – Нас слышно!

На У-Сина упал цитрус.

Прямоушкин выбрался на проспект амфитеатра и шёл теперь мимо бесконечной лавочки.

Пряницы, молчаливые члены консульской свиты, помогали в парке – подталкивали ажурные кресла-корзинки. Чудесное решение, популярное среди влюблённых.

Прямоушкин устал вилять и уворачиваться в этом белом вальсе. Он остановился отдышаться, и заметил, как впереди пожилая пара покинула свою корзинку. Они погладили пряницу по рогам, поймали интерфейс с зефиром, и ушли под руку.

Пряница же вежливо прогремел, поправил маску и обвёл площадь в поисках кого-нибудь ещё. Он заметил Прямоушкина.

– Да неужели? – глянул талисман куда-то в сторону.

Мощная фигура, покрытая сиреневой шерстью, подвела к нему корзинку, и пригласила сесть.

Пряницы редко бывают настолько вежливыми, и в такие моменты лучше показать взаимность.

Прямоушкин послушно сел.

– Ну вот же! – указал Когараши, – Чем он занимается-то?!

А У-Син испугался:

– Всё-таки обманул!

– Чщщ! – снова прошипел Ченгли, – Научитесь ждать. Талисман ничего просто так не делает.

...Прямоушкин нетерпеливо кряхтел. Гуляющие порхали вокруг и заигрывали – крутили его корзинку и сталкивали с соседями.

Те отшучивались и неслись себе дальше.

Прямоушкин помотался так ещё немного и хотел было попроситься на выход, но вдруг, где-то в смеси голосов он услышал знакомый...

Весь в Празднике, Николай Махров и сам наконец-то осмелился прокатиться. Друзьям многого стоило убедить его развернуться задом-наперёд. И теперь он нёсся вот так на одной удаче.

Ему не успели показать, как тормозить.

Через двадцать метров безрассудного полёта он запаниковал – замотал руками в поисках. Он уже начал терять равновесие, когда ему посчастливилось налететь на корзинку кота.

Прямоушкина сбросило на живот, он чуть не выхватил обручи. Махров плотно вцепился в дуги и скомандовал отключить подошвы – те пошли на снижение, и скоро прикнули к площади. Корзинка остановилась.

Гуляющим понравился спектакль. Они аплодировали.

Махров опёрся о платформу:

– Да уж! – мотнул он головой.

Пряники убедились в отсутствии пострадавших и отправились по своим делам.

Прямоушкин припал к третьей дуге, поправил хохолок и снова вплёл обручи. Он не сразу обратил внимание на доро-

того соседа, а как поймал на себе его невинный взгляд, так по-кошачьи отмахнулся из приличия и несмело прошипел.

Махров не воспринял этот жест и робко поблагодарил:

– Ну... – преклонил он голову, – Спаситель!

Ченгли осмотрел отряд многозначительно.

– Кот-спаситель! – зашептались феи.

Прямоушкин же и вдохнуть не успел, как корзинку окружила махровская компания.

За ними подлетела и Маргарита. Она осмотрела мужа, взяла его под руку и обратилась к Прямоушкину:

– Как замечательно, Тима, что вы тут... э... пролетали мимо, – качнула она корзинку, – Даже не знаю, во что бы я превратилась, если бы *этот* угодил с лестницы.

– Вот как! – гордо указал Махров и тоже обратился к талисману, – Даже вдвойне спаситель!

– Вдвойне спаситель! – ликовали чайные феи.

... Ченгли своего добился:

– ”Вот это дело!” – подумал он.

– ”Вот это балаган...” – подумал Прямоушкин.

Ему просто некуда было вставить реплику – Махровы и компания ну очень активно обсуждали происшествие:

– Хм, кстати, – заметил Николай, – Это хорошо, Риточка, что ты об этом задумалась: что же с тобой будет, если меня вдруг не станет?

Компания притихла, Маргарита округлила глаза, а Прямоушкин прикрылся. Его здесь нет.

– Почему хорошо? – спросила Маргарита.

– Потому, что я тебя первую не пущу, – подбоченился Махров.

Тут Прямоушкину совсем надоело. Он вскочил с корзинки и грузно зашагал к депо:

– Дурдом!

– Тима, ну куда же? – окликнул его Махров, – Я уж думал в благодарность тебя с нами в Изобилику взять. В Изобилику пойдёшь, а?

Прямоушкин остановил налетевшую на него корзинку и оттолкнул подальше. Он звучно выдохнул, и повернулся к Махровым в последний, как ему казалось, раз:

– Спасибо, что сказали, куда мне точно не стоит идти.

И он исчез.

– Наверное тоже в толпу не хочет, – предположил Ходя, тот самый юморист, что надоумил Махрова покататься и оставил его на произвол судьбы.

Компания восприняла его слова как шутку.

Махров же притих.

– Да ладно тебе, – погладила его супруга, – Оставь кота в покое.

– Ну да! А не интересно тебе, куда он Пелеринку дел?

5. Хокори

Площадь Фонтанского депо лежала среди величественных зданий.

Приезжие из Музаары, Лютикена, Цукаты и Тайтолюмы сбивались здесь кучками в ожидании гида, а стеклянный пол давал обзор на Кетрополитен.

“Кот-спаситель” преодолел внушительную лестницу, загнулся о подушечку, и скорее-скорее упрыгал, чтобы не пришлось отряхивать. Он прошёлся немного и остановился в тени Въездной арки.

Кай-кай и кайтобусы сновали мимо и перевозили народ.

Очень удобный транспорт: элита Гильдии Машин – самоходные плиты с удобной тумбой и расширениями на любой вкус. Каждый уважающий себя интерфейс мечтает овладеть таким устройством.

Ведь кай-кай – это всё-таки статус. Статус, красота и горшок с фиолетками на корпусе спектрального компьютера.

Сам глава Гильдии, диспетчер звездолёта Всевидающий Компьютер, старался их особо не тревожить. Что уж говорить о людях? Вполне очевидно, что просто так вершина техники никому служить не будет.

И именно поэтому, наверное, на Эквалюниуме предпочитают общественный транспорт. Мало кого прельстит носить-

ся по звездолёту в поисках аксессуаров и лишний раз меняться... А кай-каи конючат только так.

Прямоушкин подозвал служащего депо.

– Добро пожаловать в Хромантаци! – подбежал худенький мужчина в праздничном колпаке, и отправил интерфейс с сувенирами, – Фонтанское депо: садим на то, что движется, прошиваем особенно строптивых, строим маршруты...

– Да-да, знаем, – перебил его Прямоушкин, и взял у интерфейса красивую фигурку, – Посадите меня на кайтобус, что по Красочному проспекту. Можно даже в маршрут не вносить, я так спрыгну.

Служащий изменился в лице:

– Честно говоря, я ожидал, что вы возьмёте приватный транспорт.

– Я неприязнителен... Сегодня.

Служащий выдал ему карточку с номером платформы, проводил взглядом и покачал головой.

Прямоушкин первым сел в кайтобус. Он попросил поднять стеклянный короб и расположился поудобней – свесил ноги. Машина еле-заметно покачивалась, и он возвращался в мысли.

– Который час? – обратился он в полудрёме.

– Пять двадцать. Кофе будете? – ответил интерфейс.

– Нет, не буду, – вскинул Прямоушкин хохолок, – О 17-Ладошек! Уже пять двадцать!

Талисман вообще-то редко терял счёт времени.

На кайтобус уместился второй пассажир и раскатал рулон оберточной бумаги.

– Полагаю, уважаемый, мы успеем до полуночи... Ну, если мы об одном и том же, конечно, – подмигнул он.

– Да мне-то что? – прохрипел кот.

Прямоушкин до сих пор надеялся, что ему не придётся иметь дел с Небесной охотой. Ему показалось, что он смог-таки оторваться от чайных фей.

Ведь не полезут же аборигены на кайтобус?..

Он глянул над крышами: на небе проявились очертания Густава. Господин Мерцающий прикусывал язык и неумело крутил колёсико телефона.

– Э-э-то ещё что? – подвинулся Прямоушкин, – Это им телефон подарили что ли?

– Да, – ответил попутчик, – И теперь господа Мерцающие звоня-ят кому ни попадя. Не буду скромничать, мил мой, я тоже имел счастье с ними поговорить... Это первый раз на моей памяти, когда Шайка... *Стайка* Лютикена не прогадала с подарком.

– Посмотрим, – отвернулся Прямоушкин.

Кайтобус вышел на маршрут.

...А над Музаарой пронеслась Стеклянная Голубка.

Птицы распылили по стране немного снега, показали фейерверки, и посчитали, что того достаточно. Так, или иначе, Музаара почти полностью пустела на каждый крупный праздник, а поэтому не было смысла устраивать там шоу.

Неслись багряные сады и пели арки связок. Фауна лугов смотрела в небо.

Голубка выписала сальто и собрала крылья. Зеркала на фюзеляже поймали свет слабеющей Звезды.

Дело к вечеру.

Шайка... *Стайка* копошилась на борту. Пятеро, у каждого по колпаку, у каждого по клюву, они так и не договорились, к какому виду хотят относиться. Поэтому для Спектральной Администрации они были “баш-ма-клю-выми цаплями”, а вот на поле уже каждый считал по-своему. Что, кстати, справедливо, ведь для цапель они были откровенно дородны, и практически разучились летать.

Всем было, чем заняться, и только Корица – Птица-Корица – дал себе пару свободных минут. Он отошёл к хвосту и улёгся в мягком закутке...

Корица представлял Лютикен в Спектральной Администрации – э-э.. служил Младшим Администратором Третьей Позиции то есть, и потому одевался соответствующе – образ дополнял белым плащиком, и носил необычный колпак – трёхголовый, с помпончиками.

Как и Спектральный Скипетр, колпак достался ему от отца, Птицы-Усомницы – много лет назад тот велел Корице распорядиться его наследством и найти преемника.

Корица тогда присмотрелся к своим братьям, всё справедливо рассудил, и преемником назначил себя.

Стал третьим из шести.

– Просят соединить с Корицей! – выдала телефонная станция, – Просят соединить с Корицей! – сопровождала она забавной мелодией.

Птица-Корица нехотя перевернулся на бок:

– Ответь уже!

Станция зависла над периной. Корица поглаживал её от скуки и щёлкал клювом.

– О-о! – пришёл с той стороны знакомый голос, – Вот, Корица, снова вам звоним, – смеялся Густав.

Корица зажмурился:

– Ну-ну. И по какому вопросу? ... Н-неужели телефон? – вскинул он брови.

– Ммм... – протянула Диана, – Хорошо же вы нас знаете!

– ТАК! – вмиг поднялся Корица, – Густав Гармоничный... Повторите, прошу же вас, слово-в-слово, как я учил вас пользоваться телефоном?

Густав хлопнул губами и глянул на Диану. Та не растерялась – показала десять пальцев, и по-одному загибала – под-сказывала.

– О, с удовольствием, уважаемый Администратор... – начал Густав, – Ой... Э... Позвать телефон, прокрутить... К-кольцо... И-и... – считывал он.

Думал, наверное, что его не видно. А ведь его обширное туловище уже почти заменило для Музаары небо.

Птица-Корица уложил голову на крыло. Он каждый год выдумывал для них подарки, и всё больше корил себя за то,

что приучил их к такой роскоши. Ни Густав, ни Диана никогда не испытывали особенной нужды в том, что он им дарил, но ему нужно было доказать коллегам, что его деятельность будет поважнее, чем у большинства.

И вот, сегодня он дарит Мерцающим технику, а потом тратит месяцы, обучая их ею пользоваться. Такое же было в тот раз, когда он подарил им телевизор. В тот раз хотя бы Диана была с ним в чём-то солидарна, но потом сама посмотрела пару передач – пришлось учить и её.

Тем временем Густав закончил:

– ...Положить трубку, или сказать что-нибудь наподобие. Так ведь? – спросил он с надеждой.

– Да. Так и в чём же беда? – пожал плечами Корица.

Густав постарался объяснить:

– Смотрите, допустим, мы поговорили с кем-то... А как вернуть? Ну... Ещё раз поговорить?

Корица приложил ко лбу бокал “Плазменной Анджелы”:

– Я же объяснял.

– Да. А мы вот – прослушали! – подпрыгнул Густав.

– То есть, прошу прощения, прослушали? Как можно такое прослушать? – закипал Корица.

– Задумался я. Не ругайся, большая птица.

– Вот как значит... Задумались? Интересно, о чём?

Диана изящно поправила перчатки:

– Мы же чёрные дыры. Мы думаем о вечности.

Корица взвыл:

– Друзья Мерцающие, ну право слово, вас вещам полезным учат, а вы о вечности думаете!... С вашей вечностью, да будет вам известно, и так всем всё понятно...

Густав объяснил:

– Да нам-то тоже. Но у нас это приступами, понимаете? Как мигрень... Что ж, природа, – показал он зубки, – Вы уж нам просто объясните, что говорить, а там сами разберёмся.

Корица поставил бокал на станцию, и проговорил:

– Наобщались – сказали “Запомни контакт”. Всё. Поняли? ... Потренируйтесь...

И он завершил звонок.

Корица допил “Анджелу” и оставил стакан в воздухе. Правда, слишком высоко – тот не синхронизировался с Голубкой и остался позади.

Корица похлопал себя по щекам, взбодрился, и решил проверить, как дела у остальных.

Как же его возбуждало осознание собственной исключительности! Вот только снаружи это, к сожалению, никак не проявлялось. Если уж на то пошло, то в Ш... Стайке точно нашлась бы Птица и поубедительней.

В походке Корица сжимал крылья и горбился. А как останавливался – так сразу нервничал, будто-бы искал подвох, и постоянно хлопал Скипетром по левому плечу.

Первым Корица посетил Птицу-Черепицу. Тот проводил учёт. Корица всегда доверял здоровяку самую кропотливую работу – забавно было наблюдать за тем, как тот цедит ме-

лочёвку, щурится и злобно пыхтит.

– Три бобины с красной мишурой... Их... Не хватает! – надулся Черепица.

– И что же это значит? – выждал Корица паузу.

– ...Что значит, что значит... – махнул Черепица и обдал старшего ветром, – Значит, я считаю, наверное, неправильно! Ведь три раза всё сводил. А их нет.

– Их нет, Черепица, потому, что я их взять забыл! – раздражённо выбросил Корица.

– ... А-а, и что теперь? Как мы в Чармант без мишуры полетим?

– ... Достанем по дороге, – отрезал Корица, – Будто мишуру лишь в Лютикене предлагают, честно слово! Подготовил бы ты лучше инвентарь на Хромантаци, а то невесть же чем занимаешься! Кончай страдать ерундой. Одно перо за простой в работе!

...Корица придумал интереснейший метод воздействия – перья у его вида росли на зависть быстро, и поэтому выщипывать их можно было сколько угодно.

Собственно, сначала Корица занимался этим сам, но потом братья поняли логику, и теперь справлялись и без него.

[хватъ]

– Ой!

Черепица остался сам не свой.

Зато отвлёкся Мастерница. Она догнал старшего, когда тот уже почти подошёл к консоли:

– Есть, о чём сообщить!

Мастерица плохо переносил высоту, и сильнее многих страдал от сквозняков. Он вечно простывал, так что не вылезал из шерстяных кофт.

Очки его то и дело соскальзывали:

– Звездочёты прислали данные по траектории, – говорил он вполне спокойно, – Препятствий не наблюдается, работаем в штатном режиме, – листал он на планшете, – Прогноз готов. Я уже скомандовал Всевидающему Компьютеру¹¹ понизить общую температуру на 15 градусов. В-вот. Питонги из Бризы просили дать холодный год. Они сильно измучились за эту декаду с пеклом... Да. А... Ближайший дождь согласовали на второе Зведосна... Здесь же.

Корица злорадно ухмыльнулся, но быстро взял себя в руки:

– Второе Зведосна? Ха-ха, это же послезавтра!... Ну... Ясно, почитаю ещё. Все палочки на месте?

...Мастерица научился упаковывать определённые прояв-

¹¹ Всевидающий Компьютер работает от машин в глубинах звездолёта и читает информацию с древнего винчестера. Ни один кай-кай не сдвинется, ни один телевизор не включится, и ни одна связка не пропоёт без его участия. Он вмешивается в сознание интерфейсов, отвечает за обновление программного обеспечения и следит за состоянием двигателей. Тем не менее, пока его вычислительные мощности прекрасно справляются с работой, личность его изнывает от убийственной скуки. Чтобы хоть немного развеяться, Компьютер прислуживает в кабинетах Администраторов и с юмором отвечает на странные вопросы граждан. "Женат" на Магдалине, интерфейсе Станции "Соцветие". Ждёт, когда её снова запустят, и готовит ей в подарок вечернее платье.

ления спектра в удобные портативные устройства, чтобы не таскаться лишний со Скипетром и не нервировать Корицу.

– Вроде да, а вроде – нет, – неуверенно ответил Мастерница и спрятал планшет, – Птица-Озорница. Сам понимаешь – на месте не сидится.

Корица утомлённо протянул:

– Удивляться нечему... Что, понакрал?

– Да, – отвёл Мастерница глаза, – Рассовал по зелёной курточке. Но так, не самое важное. Палочку надения, и ещё что-то. Нам не понадобится. А ему – ну, чем бы дитя не тешилось...

– Тоже мне, дитя! – гаркнул Корица, – Между нами три месяца разницы!

Голубку вдруг потрянуло вправо. А потом потрянуло влево. Озорница, лёгок на помине, сорвался с крыла, и начал скакать по палубе. Звенели бубенцы на колпаке, и пищали ботинки:

*Я озорная птица,
Не читаю, не пишу,
Я съедаю все конфеты,
И по-тихой ухожу!*

– ... Вот! – представил он, довольный, и вновь принялся скакать.

Черепица попытался его усмирить но только багаж сва-

лил. Корица же включил Скипетр и указал на негодника, пока тот находился в воздухе – Озорница завис.

Корица выждал, пока у него не закончится момент, и выпустил. Озорница грохнулся на палубу и захохотал:

– Э-э-х, каждый год одно и то же! Что ж я не учусь-то ничему? У-у-у... – потёр он лоб.

Мастерица пригрозил ему, и выдернул перо:

[хватать]

– Ой!

Корица же отвернулся и глянул за борт.

Подумай только – а ведь этому безобразнику он должен будет передать Скипетр в разгар охоты. Решил же почему-то Спектр, что только Озорница знает, как вязать лассо...

Одно хорошо – Озорница сильно не отвечает, и, так или иначе, рядом с огромным замёрзшим чудовищем при львиной гриве и с пастью в четыре ряда зубов будет позировать дорогой Администратор.

Корице это грело душу. Такой, если позволите, триумф. Триумф удивительной натуры (его удивительной натуры, конечно) над страшной силой космоса.

Ровно, как и ещё один повод назначить его вторым Администратором. Весьма весомый повод – блондиночка-певичка не сделает и четверти из того, что он может поручить своим братьям... Но кому интересно?¹²

¹² Занятно, что изначально Спектральная Администрация не предполагала никакой иерархии. Разделить Администраторов на "Младших" и "Старших" пред-

– "Бар-рдак!" – то и дело бесился Корица, когда первый из шести отказывался воспринимать его доводы всерьёз.

... Но сегодня, впрочем, не до демагогии.

Отвлёк Чечевица:

– Мы скоро покинем Музаару, – отчитался пилот, и грустно добавил, – А вот у Голубки настроение не очень... Как и самочувствие. Значения из памяти исчезли, представляешь? Сядем в Хромантаци, будем перезагружать, – браво застегнул он лётный костюм.

Корицу новость не порадовала:

– Вот вовремя захворала! – всплеснул он крыльями, и ткнул Голубку Скипетром по шее, – Небесная охота, ау! Мы не можем упасть в грязь лицом!

– Не перезагрузим – точно упадём, – отрезал Чечевица, – Я не выдержу ещё одну ночь за консолью. И... И не нужно, в который раз прошу, так с Голубкой. Она не виновата.

– Виновата, или нет – это вопрос второго плана. Главное в том, что пока она будет себе там всё перезагружать, – повертел Корица у головы, – Хокори уже скроется в каком-нибудь

ложил сам Корица. И объяснил он это так: *"Вот не чувствую искренности. Не чувствую. Ещё раз убеждаюсь, что коллективный глава недееспособен. Недееспособен, и всё тут. Не могут шестеро носить одну и ту же власть. Решения в любом случае принимает один – тот, кто не успел отказаться"* Тогдашний состав принял данную инициативу с соотношением голосов 4:2. Сам Корица занял третью позицию – боялся окончательно "обнагелеть" в глазах вполне конкретного человека. Он тогда надеялся на скорое повышение – всё-таки его система это вполне подразумевает... Но видимо сам Спектр решил, что такого не предвидится. Или кое-кто другой...

модуле! И как мы будем его ловить тогда, а?

Чечевица отвёл взгляд.

– Не понял? – нахохлился Корица.

– ...Да вот я тоже, – ответил Чечевица, – С каждым годом мне всё труднее понять, чем мы вообще здесь занимаемся – праздник людям устраиваем, или бедное животное шпыняем? – возмущался он, – Хокори-Хокори... Да пусть он даже выиграет, лишь бы мы в который раз не опоздали в Озурачи¹³... Или ты забыл, что нам за это было три года назад?

[хвать, хвать]

– Ай... – потёр Чечевица крыло и гордо отвернулся.

Корица же упал на фальшборт и подозвал поднос с коктейлями. Он взял другой бокал и уныло наблюдал теперь за тем, как машина намешивает ему “Алмазную Шатенку”.

– Вот и думай, ага! – попытался добить его Чечевица.

Получилось не очень:

– Ты уже пять лет напоминаешь мне о происшествии трехгодовой давности, – сказал Корица.

И мигом спор возобновился.

Озорнице надоело слушать ругань. Пока никто не видел,

¹³ Страна с переменчивым рельефом в центральной части Эквалюниума. Управляется Домом Мяурулисов и включает несколько подчинённых территорий. Содержит самые популярные курорты звездолёта. Простирается на множество экосистем умеренного типа. Славится своими тёплыми каскадными бассейнами, сосновыми холмами и рисовыми плантациями на живописных плато. В низине к Нейтральным Ходовым там располагается Море Охлаждения – дом Звезд. Цветущая и Ягодная реки достигают в Озурачи максимальной ширины.

он тихонечко заполз в багаж и разорил контейнер с инструментами: покрутил, не интересно – за борт, постучал, не интересно – за борт.

И так, пока не добрался до бинокля...

– Ой, мама! – испугался Мастерница и мигом кинулся к нему.

Крылья по швам, бока трясутся...

– Ты бы ещё закудахтал! – придержал её Черепица.

Он не мог спокойно наблюдать за тем, как его любимый брат становится наседкой.

Ведь ровно как Корица жить не мог без Скипетра, а Черевича без экспандера в кармане, Черепица жить не мог без Мастерницы. Не даром же Мама Рух советовала ему держаться того, кто поумнее – так и правда было легче.

– С чего бы мне кудахтать? – подался Мастерница, но так и не вырвался.

– Да носишься за ним потому что. Смешно даже! – приобнял Черепица брата, – Нельзя так. Надо взять, и сказать один раз по-мужски. Сечёшь? – поднял он бровь.

Мастерница сглотнул:

– По-мужски, мгом... Что ж, покажи тогда, – пригласил он и посторонился.

Черепица подошёл к негоднику и размял плечи.

– Так! – грозно навис он и... вдруг осёкся.

Озорница заметил его не сразу, был очень занят – всё пытался разобраться с биноклем – в какую сторону смотреть.

– Ухыт! – вздрогнул он от неожиданности и чуть-чуть отполз, – А у меня тут вот... – показал он, мол ничего запрещённого, – А что?

– ... Э... .. Играй, – кивнул Черепица, развернулся и пожал Мастернице руку.

Озорница запрыгнул на контейнер, сбросил ботинки и лёг на живот.

...И что он увидел в бинокль!

Некто нёсся сквозь Музаару – смерял холмы на четырёх тонких лапах. Под расшитым капюшоном он скрывал лицо. За ним тянулся хвост.

Вокруг носились мяулюксы. Котята докучали: жалили хвостами и дразнили – пританцовывали.

Некто в капюшоне отгонял их и бежал ещё километр-другой.

Он миновал очередной посёлок и прозвонил по связкам между скал – эхо разнесло шесть нот.

– Стая-стая! – крикнул Озорница, – А у меня тут зверь! И очень-очень быстрый!

Работа на борту затихла.

Корица опомнился. Он уже сделал два глотка, и его немного разнежило.

– А? – без интереса ответил он.

– Прямо как ветер! – указывал Озорница, – Как... Как комета!

Он расшатал контейнер и повалился вместе с ним.

– Как комета? – удивился Чечевица, – Не наш ли пылесборник?

– И правда! А вдруг? – подпрыгнул Озорница, – У него богатый хвост!

Мастерица почесал за шеей пультом.

От удивления Корица снова упустил бокал и со злости стукнул по консоли:

– Хокори, здесь? Не может быть, – отсёк он крылом, – Он никогда не забегал в Музаару. Ему нет причин менять маршрут.

– А всё-таки? Куай-ланг на Эквалюниуме – редкость, – напомнил Чечевица, – Да и такое совпадение! Подумай, братец.

– Да тут и думать нечего, – пригрозил Корица Скипетром, и обратился к Озорнице, – Ты видел гриву?

– Нет. Но на нём был ка...

– Вот именно. Гривы нет. Всё, не наш... – нахохлился Корица, – Е-если бы это и правда был он, это значило бы только то, что он пытается меня провести. А я от одной только мысли об этом нервничать начинаю... А я не хочу нервничать. Особенно сегодня, – зловеще предупредил он.

Мастерица, Чечевица, Озорница и Черепица, недовольные, вернулись к делам.

А Голубка попала в небесную рябь.

Звезда совсем ослабла, над Морем Охлаждения краснело небо. Поднялись воздушные кувшинки: принцесса высажи-

вала их по всему звездолёту – ни одна ночь не тонула во тьме.

Россыпь светильников витала над Петличным Хребтом. От бутонов исходило тепло, и воздух колыхался.

Корица вмиг забыл про слабость:

– О! Вот и развлечение, – заметил он между делом и подбросил Озорнице одну из палочек.

Озорница поймал её и сразу принялся за дело – тот тут, то там он отключал кувшинки. Цветы темнели и лопались. Осколки уносились вниз. Ему было приятно помогать принцессе поддерживать небесный сад.

Корица занимался тем же, но куда усерднее – Скипетр отключал сразу по пять бутонов.

Наверняка учтёт когда-нибудь “Всея Звездолётный”, что на каждый Праздник сады заметно редеют. Как может принцесса оставаться второй, если она за простейшим, за растениями, уследить не может?

– ”Бар-дак!” – убивался Корица.

Голубка скрылась за скалой.

А куай-ланг под капюшоном оказался очень рад – котята наконец-то отвлеклись. Осколки долетели до земли и приковали их внимание: мяулюксам велено чинить кувшинки, что бы ни случилось. Они напоминали их Императору о первой любви.

Куай-ланг припустил быстрее. Лапы его заплетались. Он пронёсся у подножия Хребта и завернул в каньон – так, ему казалось, он сможет добраться в Хромантачи, минуя Кетро-

политен.

Мелькали плазмопады и птичьи квартиры, луч Звёзды ударил по глазам.

Хокори обогнал Стеклянную Голубку.

Он очень надеялся, что его манёвр сработает. И не прогадал. Вообще-то столь тактический подход был ему нехарактерен, но в данном случае попробовать стоило. Притом, пока он весь год оттаивал в музее Флоксового Дворца, вспомнилась ему вдруг установка из его прошлой, полностью органической жизни – “отвечай тем же”.

Сегодня, разумеется, он понимал, что такое правило работает не всегда и не со всеми, но с Корицей был именно тот самый случай. Здесь стояла на кону сама свобода. Так что совесть его мучила не так сильно, как в тот досадный случай восемь лет назад.

Теперь Хокори ничего не остановит. Он собирался нанести визит первому Администратору. Тот должен был помочь в важнейшем деле.

Куай-ланг переметнулся в комету и с громким хлопком скрылся в тумане пещер.

Местные насторожились.

Занятно, кстати, что Корица так и не нашёл применения другим куай-лангам, что иногда останавливались на звездолёте. Такое случалось минимум раз в три месяца.

Ведь космосе таких летало много – 17-Ладошек славился своей любовью к псовым, да так, что решил однажды посвя-

тить им один из своих экспериментов – он пустил по космосу машину, которая брала их спектральный след и помещала в искусственное тело. Получалось нечто, как говорил авантюрист, “эфемерное” – не то живое, не то механическое, а иногда и вообще пустотное... Но очень пластичное – этого не отнять. Волки, собаки, лисы, медведи восставали в новой форме жизни, и рождались с небесными телами.

Так, очевидно, собаки становились куай-лангами, и носились по Вселенной, оставляя шлейфы комет. Медвежьи облачались в камень и металл: получались ... “медведеориты”. На Эквалюниуме их часто видят по Ягодной реке.

А из туманностей 17-Ладошек сплетал лис, енотов и другую миловидную мелочь.

Красота.

Петличный утёс остался позади. Хокори не пошёл в Фонтанский парк. Он двинул пролесками и закутками. Он прятался за павильонами.

В Хромантаци он проник окольной дорожкой – сразу на светлую Мраморную поляну.

Раздаточные пункты и мелкие театры занимали здесь по два этажа и пересекали площадь ровными линиями. Высотные модули виднелись поодаль. Фасады со стороны Нейтральных окрасились в розовый цвет – поймали закат.

Загорались вывески, по телевизорам шли шутки. Заведения переходили в режим полной загрузки. Служащие, что ранее спокойно ворковали на лавочках у осветителей, воз-

вращались к обязанностям.

Пряницы не теряли бдительность.

Хокори не должен был себя выдать – не должен был прыгать крышами. И уж тем более не стоило ему превращаться здесь в комету.

И, надо сказать, у него неплохо получалось маскироваться – легендарного призрака в нём действительно никто не признал. Жителям Хроманташи он показался самым обычным псом. Хотя и в капюшоне...

А как обычному псу, так ещё и в капюшоне, не погладить живот? И как лишний раз не побаловать?

Хокори фыркал на всё это и боязливо отряхивался.

Улицы тянулись, люди набирали мандарины.

Хоромост был весел – эстакада нависала над обширным районом и служила хорошей обзорной площадкой.

Здесь, у “Модуля Розы и Пудры” собирались скоморошки. Целый полк красавиц тешил местных и гостей чем-нибудь зрелищным¹⁴.

В открытых сверкающих костюмах, улыбочивые, прогуливались девушки по зелёному пятакчу и разучивали программу на сегодня. Вокруг витали интерфейсы и поправляли макияж.

¹⁴ Скоморошек обучают в Музааре. Туда их отправляет староста после продолжительной процедуры отбора. Среди не вполне очевидных характеристик, претендентка должна иметь ещё и весьма нестандартную биографию, чтобы всегда держать наготове пару-тройку дурацких историй. Также, на манер скоморошек в Музааре иногда обучают и чайных фей. Ими Хайку Пелла занимается лично.

– Эх, а я уже хотела предложить вам выступить со мной в кафе на Яблочном проспекте, – сожалела И-Рили, – Давно я не практиковала фокусов с собаками... А ведь они всем нравились, – поправила она браслеты.

– Ммм, – просипел Хокори и надвинул капюшон, – Я спешу.

Пробрались по пятакчу и встали под навесом.

И-Рили припала спиной к portalу, сорвала гроздь винограда, и грустно как-то спросила:

– Ну неужели у вас что-то более важное? От вас всего-то нужно – прыгнуть через обруч... И-или через два.

Через два обруча, смешно даже. Нет, в Хокори не было гордыни, но такая приземлённость его искренне поражала.

Никогда его не утомляли люди. Особенно настолько. И наверняка потому в частности, что общался он с ними только как такой себе аниматор: порычал-покричал, получил апельсином, да улетел себе дальше.

Здесь же: руки лижи, пузо подставляй, ушками играй, катаясь... Удивительно, как остальные собаки терпят такое ежедневно. И ещё более удивительно, что им это нравится.

– Не могу я прыгать, милая. К Администратору мне надо. Срочно, – стыдливо произнёс Хокори и весь сжался.

Непривычно высокий голос и совсем наивный тон.

Только сейчас И-Рили почувствовала, какой жар исходит от этого пса.

Она объела гроздь, отдала пустую ветку интерфейсу, и по-

жала плечами:

– Консул Серебринк сегодня не даёт приёмов.

Ответа она не получила. Скоморошка вновь оглядела одинокое застенчивое существо и осторожно добавила:

– Но если вам не лень пытаться удачу, отправляйтесь на Площадь Справедливости. Консул в своём Доме, в высоком таком, с фонариками и шпилем. Пройдите дальше по мосту, там остановится кайтобус... Не нагружайте лапы, – жестом попрощалась она и увиляла к остальным.

6. Консул забыл слово!

Кайтобус не решился биться сквозь толпу – повернул по переулку и пошел одинокими балкончиками.

Открывался вид на Хоромост, кувшинки дополняли панораму.

А чуть позже транспорт скрылся под пурпурной кроной – огромный мураксант создал здесь тень. И ветер в ней был весел.

Он нёс коту сомнения.

Прямоушкин дёргал хохолок. В мыслях появилось что-то очень неприятное.

Спектр, видимо, уже не намекал. Он начинал давить. Но талисман не смел сдаваться – он был прав, и точка.

Лишь бы так...

Вспомнить бы только ту самую фразу! Тот самый день! Всё сразу стало бы понятнее. Вот надо же было ему потерять такой уникальный духовный инструмент?

Прошное болталось в голове осколками. У него так и не получилось собрать из них что-то вразумительное...

Прямоушкин попросил у интерфейса планшет, нашёл журнал “Раздача Котов” и облокотился о тумбу.

А не совесть ли его случайно мучила? Лишь бы нет. Но даже если да, то интересно, откуда она взялась? Отвечать-то

не придётся – кот оставался абсолютно уверен, что с чайными феями он больше не встретится.

Забегая вперёд – конечно, он ошибался. Более того, всю дорогу он нарочито игнорировал признаки их присутствия. А запах бергамота, между тем, не уходил...

– Это у тебя обручи солнечные что ли? Ведьмуешь? – вдруг донеслось со стороны.

Попутчики сменялись так часто, что Прямоушкин уже перестал обращать на них внимание. Он и не заметил даже, как на другую сторону от тумбы подсел весьма немалых размеров пёс в белом затасканном капюшоне.

Прямоушкин не отрывал глаз от журнала:

– Я-то? Нет конечно, упаси Инженер... Скажем так, “перепали”, – говорил он через нос, – Интересно даже, откуда псу знать про наши... нюансы?

Хокори будто оживился. Он перелез через тумбу и выдал свой коронный жест – толкнул собеседника корпусом в бок.

Он улыбнулся пошире и выпустил хвост:

– У-у, обижаешь. Я столько солнцеедных кошек видел, знаешь ли... С какими-то даже общался помню. Ну... До всего, что было.

Прямоушкин опасливо выгнулся:

– Ого. Очень... Интересно, – натянул он улыбку, – Вы бы, уважаемый, продолжали. Только... Без лап, понимаете, без лап.

Пёс глянул на него вопросительно. Прямоушкин покивал.

Хокори уловил ветерок, отряхнулся, и сказал:

– Ну что ты как с другого звездолёта? – выпятил он губку,

– Со мной и на ты можно... Да и потом, мы ж с тобой... Это...

– Ч-то? – отодвигался Прямоушкин.

– Ну, оба... четвероногие.

И тут кошачья гордость победила страх:

– А вот, между прочим, не обобщай, – покачал Прямоушкин пальцем, – Я уже года три как прямохождение освоил. И тебе бы пожелал того же.

Пёс посмеялся:

– Ой, не-ет... Это не для меня. Мне же для работы думать надо. А у прямоходящих плохо кровь к мозгам доходит.

– А-а... – будто согласился кот, – Да, иногда так кажется, – отвернулся он и вскинул хохолок, – А если не секрет, чем же ты таким занят, что мозги бережешь?

Пёс таинственно оглянулся. Прямоушкин притих.

– Не испугаешься? – жалобно глянул на него Хокори, – И... И... Не разболтаешь потом?... Пусть это между нами только до поры-до времени, ладно? – подсобрал он лапами.

– Как тебе угодно, – пожал плечами Прямоушкин.

– Я Хокори.

...Спектр всё-таки очень ироничен.

Прямоушкин сглотнул. Что-то внутри у него задрожало. Он изучил попутчика повнимательнее.

Куай-ланг вытягивал шею. Обшивка его обновлялась –

шерсть рассыпалась на пылинки и уходила с ветром. Нити каркаса проглядывали у соединений. Сердечный привод выдавал протяжный шум.

– Ах вот как?... – вдохнул Прямоушкин прерывчато, – Какая... Приятная неожиданность. А что же это ты по земле ходишь? О-охота же скоро... Или ты что-то затеял? – спросил он в ужасе.

– Да не суетись ты так... – оглянулся Хокори, – Всё в силе, только бы решить пару вопросов, – нелепо помигал куай-ланг глазами, – Я за этим к вашему Консулу еду: не хочу я больше, чтобы меня ловили... Чтоб никто меня сегодня не поймал. Понимаешь?

– П... Понимаю... – насупился Прямоушкин.

Положение его усложнилось.

Кот фыркнул, прогнул спину и свесил ноги над дорогой.

Хокори же облизнулся и снова толкнул талисмана в бок:

– Хорошо ты мне попался! Ох, как нужно было выговориться! Это у меня ещё с прошлой жизни так: что не задумаю – надо рассказать. Какая-то, слушай, тяжесть без этого. А тут ты вот... Это наверно, сам Спектр решил – спасителя мне такого послал, а! – замечтался он, – Ой, а ты это, кстати... Можешь звать меня... Ну, скажем, Кент?

– Это ещё зачем? – чуть ли не плакал Прямоушкин.

– Это чтоб ты меня пылесборником не называл.

Прямоушкин уронил голову в ладони:

– Ммм... Ну что, кент, что ещё придумаешь? – спросил

он раздраженно.

Хокори игриво подскочил:

– А что, нужно ещё что-то?...

Прямоушкин выставил лапы и замотал головой. Он чуть не поперхнулся:

– Не-н-нет!

Но Хокори уже закрутился:

– Я так-то за любой кипиш... Э... О! Если хочешь, можешь первым залепить мне мандарином.

– Нет. Это точно лишнее... – отказался кот, – Да и потом, ты же их, кажется, боишься?

Хокори прикусил губу:

– Дорогой, ну кто боится фруктов? Глупость какая-то. Это же я так – притворяюсь просто. Сам подумай – пусть уж мандаринами кидаются. А то первые пять лет работы в меня стульями швыряли... – приобнял он талисмана лапой, – Ну давай, не бойся, – вытащил он мандарин.

Прямоушкин помялся, поморщился, но взял-таки цитрус и залепил псу по лбу.

– О-о-й! Прелесть! – облизывался тот.

Прямоушкин же стряхивал сок и не скрывал отвращения:

– Мураак...

Кайтобус вышел на Проспект и двинул к Изобилике.

Пряницы стояли на постах, а скоморошки начали программу – девушки в пайетках танцевали и спускались к людям пошутить.

Фиолетки украшали козырьки, частили красные ворота. Под арками гирлянд сегодня было шумно.

Прямоушкин прыгнул. С Хокори он прощаться не решил – кивнул для приличия и скорее убежал.

Вот бы никого и ничего не видеть. Всё будет так, как он обрисовал, и пусть ему мир не перечит. Что бы там этот “Кент” не менял – Птицы выиграют. Всё останется по-прежнему, и никакой “эпохи удивляться” не наступит. А к утру талисман спокойно вернётся домой. И будет дома. И через неделю он будет дома. И через месяц он тоже будет дома. Никто его не потревожит.

Хокори весело окликнул:

– Ну ладно, давай! Увидимся ещё с утра! – попрощался он, – А... Аэ... А как тебя зовут-то хоть?...

И кайтобус унёс его дальше.

Изобилика всё ближе. Здание, похожее на панцирь, венчало Площадь Справедливости. Спектр дополнял его входные группы – фабричные блоки оставляли иллюзии и выводили их сквозь композиции летающих колб. На них имело смысл взглянуть – не угадаешь, что покажут.

Вокруг аттракционы и ларьки. На экранах Знамя с Аэлитками¹⁵.

С Обратного крыла стоит высотка.

– Консульский Дом, получите, распишитесь, – оповестил

¹⁵ Флаг Эквалюниума. Аэлитки на звездолёте – это сорт лилий, цветы которого немного напоминают знаки Любояза.

интерфейс и завис у Монумента Мерцающим¹⁶, – Вход через первый пассаж Изобилики, под вывеской “Бабочки – вон там”. Это предпоследний поворот перед выходом в столовую “Люстра”... Кстати, обязательно сходите туда на обратном пути... – отвлёкся он и с долей юмора предупредил, – А я дальше не поеду. Сквозное движение сегодня перекрыли. Да я и сам не хочу. В прошлом году меня неделю оттирали.

– Так кто ж настаивает? – повёл Хокори носом и осторожно слез.

– Радует, – ответил интерфейс, – И раз уж вы идёте к Консулу, то дам вам совет – обязательно похвалите его бабочек. Наверное, это единственное, что может его растопить.

Хокори подался назад:

– Спасибо, дорогой... Но я уж и не думал, что ты подслушивать будешь! Ты это только... Ни-ни!

– Успокойтесь, куай-ланг. Этика Гильдии позволяет машинам регистрировать всё, что угодно. Но в чужие дела мы лишний раз не лезем. Желаю шумной ночи.

Хокори робко поблагодарил. Он проводил кайтобус гла-

¹⁶ Примечательно, что Монумент включает в себя и изваяние Аплодики Весёлой – племянницы Густава и Дианы. Она ещё не успела коллапсировать в чёрную дыру, и потому проживает сейчас где-то на Сахарочи в статусе титана. Большую часть времени она спит. И хвала за то Инженеру, ведь если она проснётся, то захочет играть в слова. А обыграть её невозможно. К тому же, она очень любит слушать лекции. Чтение их входит в список обязанностей Магнуса Лютана – Младшего Администратора Четвёртой Позиции и ректора Корпуса Золотой Рыбки. Магнус искренне удивляется тому, как внимательно Аплодика слушает его речи, ведь, на поверку, она знает куда больше него.

зами и осмотрелся...

Землянину Консульский Дом напомнил бы, наверное, пагоду, если не считать светильника на шпиле и выступающей площадки на четвёртом этаже.

Притом, хозяин, уважаемый Старший Администратор Первой Позиции, не поленился установить на крыше четыре монумента самому себе – по одному на каждый угол, по одному на каждый момент жизни. И, пожалуй, это самое наглое из того, что он мог себе позволить. Особенно, если учесть, что всю оставшуюся площадь с первого по пятый этаж он давно отдал под богатейший свободный лепидоптериум¹⁷ с вольерами от пола до потолка.

Здесь компактно разместились все экосистемы звездолёта, даже давно забытые.

Все необходимые конторы Консул расселил по разным районам, а собрания проводил, как раз-таки, на шестом этаже, который являл собой помещение, лаконичней, чем у многих: крестовой пьедестал поднимался среди каменного сада и набора различных макетов. Над краями перекрестия витали мониторы, а над самым центром покоилось первое ложе.

У каждого Администратора есть ложе. Вот у Хайку, например, оно похоже на цветок – оно даже ведёт себя подобающе, в зависимости от времени суток. Покоится оно над

¹⁷ Лепидоптерология – это, простыми словами, наука о бабочках. На Эквалюниуме она тоже неплохо развита.

старым-старым камнем на одной из гор. И прикрывает его шёлковый навес.

У Корицы ложе – это комплекс из десяти джакузи с разным составом плазмы. Каждый день он выбирает ванну по настроению и становится в неё на одну ногу.

У Серебрянка же всё совсем иначе. Недолго он думал над формой и наполнением. Его ложе – это перина-полусфера в чаше из девяти металлических полозьев. В режиме покоя они сходятся вместе и полностью блокируют звук.

Только сейчас не тот случай. Консул, всё в том же костюме, всё с той же седой эспаньолкой и всё с той же весьма непримечательной причёской, обложился подушками и подпозвал консоль. Он выводил пером по планшету и временами заглядывал в зал: собралось там сколько-то полезных лиц из свиты: офицер пряниц Молчанкин¹⁸, староста скоморошек Гайли, скромный муфлон¹⁹ – художник Юрий Парлок, и кто-то ещё.

Консул раз за разом убеждался, что свита не отказывается от его фирменных маффинов, и возвращался к тексту.

Что-то он подзатынул в этом году с последним протоколом. И не просто так – это только общественности Хайку спела лишь на Праздник, а первому Администратору она ещё за

¹⁸ Он сумел-таки овладеть способностью к вокализации, которая вообще не нужна его виду для общения – телепатии им вполне хватает.

¹⁹ Муфлон – это почти то же, что и баран. Но Юрий очень строг в этом вопросе, и всегда поправит того, кто перепутает.

месяц сообщила об “эпохе удивляться”. Они оба понимали, что такая придёт когда-нибудь, и обо всём давно договорились. Так что как только вдали замаячило, Серебринк принялся расписывать абсолютно любое событие, что могло бы произойти в ближайшем будущем.

Вообще, весь его стиль правления, да и куда там – вся его жизнь, заключалась в составлении протоколов. Каждый вечер он пугался одной и той же мысли – что зарегулировал абсолютно всё, и ему больше не о чем писать... Но скоро он вспоминал, чего ещё не касался, и на следующий же день вновь принимался за планшет.

Он выдал тысячи инструкций. И что они только не расписывали... Всё тут было: от алгоритма действий акушерки, до распорядка дня Отпевальной Гильдии, от максимальной длительности рекламы по телевизору (1-2 минуты) до расчётов кухон общепита, от диаметра винного бокала до репродуктивно-полезной площади спального места.

Каждое утро жители Эквалюниума получали рассылку с новой инструкцией, читали, удивлялись, мол, почему сами до такого не додумались, и жизнь их становилась чуточку легче.

Хотя, казалось бы, куда ещё легче?

С самых первых дней Эквалюниума Серебринк верил в силу инструкций. В те одинокие годы он составлял их для самого себя и сам же по ним жил. Впрочем, однажды он осознал, что даже такая жизнь далека от совершенства. И ре-

шение дилеммы он искал недолго – в 458 году он встретил Хайку, тогда совсем ещё маленькую девочку, и сразу же взял её под своё крыло²⁰.

Так на звездолёте воцарилось единство. Единство разума и эмоций...

Тем временем один из важных гостей, уважаемый звездочёт Макс Сводов, не отходил от подзорной трубы. Он наблюдал за Петличным хребтом и ждал прибытия Стайки.

И скоро у вершин пронёсся отблеск – Стеклянная Голубка кольцевала над Сосновым пиком, и старалась пока не привлекать внимание.

Сводов набрался духу, убрал трубу наверх и пошаркал с балкона. Пришлось здороваться с гостями: Парлок носился вокруг и показывал эскизы, Гайли хотела накормить его роллом (её заводило кормить кого-нибудь палочками), Молчанкин попросил помочь разобраться с душевным вопросом.

Минут пять ушло на то, чтобы добраться к Консулу:

– Братья-акробатя, – прокашлялся Сводов, – Уже прилетели.

Ложе посчитало это достойным внимания и отвернуло

²⁰ Доктрина воспитания Серебрянка мало унаследовала от отчего дома. Известно, кстати, почему именно – либо Консул сам осознал архаичность тех практик, что присутствовали там... Либо же полторы тысячи лет, прожитых в самых разных ипостасях, дали своё, и Консул просто многое забыл, а поэтому решил действовать согласно своей уже куда более зрелой философии: “Делай так, как будет правильно”. Сам он не может дать подтверждение ни первому, ни второму. Полное имя его названной дочери – Хайку Пелла Серебрянк.

Консула от окна.

Тот откинулся на большую подушку и погладил колени:

– Отмечено.

Было в нём что-то слоновье – и в фигуре, и в манерах. Разговаривал Серебринк размеренно, лишних движений не совершал. Он занимал всё пространство, что было ему предоставлено:

– Чем они заняты? – спросил он на выдохе.

– Кружат у Прифонтанских районов, – ответил Сводов и обнял планшет.

Консул пожмурился – согнал головную боль.

– Хокори запаздывает, – поделился он, – Не хотелось бы ждать сюрпризов и от Стайки тоже.

Сводов подсел на перину:

– ”Эпоха удивляться”, да? – посочувствовал он.

Консул еле заметно качнул головой.

Сводов сменил тему:

– А не устали вы часом? – пододвинулся он, – Сошли бы, присоединились к трапезе.

...Заказали нехитрый стол: маффины да роллы.

И подносы с соком кое-где.

Серебринк положил перо на стол:

– Может и устал. Но разве можно так бросать работу? Нужно дописать протокол действий в случае прибытия новых... хм ... Не важно, – поостерёгся он и продолжил, как ни в чем не бывало, – Просто не хотелось бы тащить незакон-

ченное дело в следующий год. Особенно... в свете последних новостей.

– Так заканчивайте скорее, – смерил его Сводов.

– С удовольствием, уважаемый звездочёт, – постучал Консул зубами, – Вот только я слово забыл.

Гости мигом повернули головы. Парлок что-то любопытно пробурчал.

Гайли старалась подбодрить:

– Поставьте пропуск и пишите дальше, ну. Так в процессе и вспомните.

Консул глянул на неё как-то странно. Он взял перо, назначил пропуск... И поставил точку.

– Не вспомнил.

Гайли процедила воздух. Сводов немного вспотел:

– Убудет ли от одного слова?

– Не убудет, – ответил Серебринк, – Тут вопрос в другом. Если бы вас хоть немного интересовало повышение первичной квалификации... Пусть и в ущерб прямым обязанностям... До вас дошли бы вести от коллег из Корпуса Золотой Рыбки.

Сводов хмыкнул:

– И что у них там?

– Исследование у них там. Они нашли такие... активные частицы, которые, при столкновений с другой такой же частицей, делятся на двое... И всё повторяется. Только многократно больше, – объяснил Серебринк, – Ничего не напоми-

праздничный призрак пожаловал.

– Хокори?... Тогда впускай.

Гости обернулись к главному лифту. Консул позы не сменил.

Створки расступились и в помещение зашёл куай-ланг. Он ни минуты не стеснялся. Всё-таки его вооружили:

– Бабочки у вас хорошие, – прокряхтел Хокори и откинул капюшон.

– Что-что? – переспросил Серебринк.

– Бабочки. У вас... Хорошие, – присел Хокори и почесал за ухом.

– Я рад, что вам понравилось.

Хокори утомлённо просопел:

– Ну что, у вас у всех так что ли? Давайте на ты, а? Зовите меня... “Кент”... Нормально будет.

Парлок удивился:

– А-а-а почему Ке-е-ент?

– Это чтобы вы меня пылесборником не называли, – ответил Хокори и снова обратился к Консулу, – Ну вот а тебя, тебя как звать?

– Евгений Третий, – ответил Серебринк, – А на родной планете меня звали Ляльцацк. Выбирай, Кент.

– Вот теперь круто. И знаешь, Женя, хорошо, что я тебя уже... Ну это... Растопил. Ты же не обидишься теперь, если я добавлю, что они, бабочки твои, только *в целом* хорошие?

– Что значит, в целом?

– Ну, то есть, и на цвет хорошие, и летают бесподобно...
А вот на вкус – чего-то не особо.

Гайли аж подавилась.

– Ты ел моих бабочек? – продолжал беседу Серебринк.

– Только двух, – оправдался Хокори.

– А зачем?

– Ну... Врать не буду. Меня предупредили, что у вас тут принято хвалить твоих бабочек... Но я же должен знать, за что хвалить.

Серебринк вздохнул:

– Хорошо, что у меня все дети выросли. Ато ты и от них, глядишь, откусил бы чего-нибудь.

Хокори усмехнулся:

– Ну тут уж не-е. Я детей люблю. Я же по поводу них и пришёл. Отчасти.

– Ну вот и хорошо, что мы к этому подошли, – еле заметно улыбнулся Серебринк, – Давай уже рассказывай, Кент, – налил он из графина сок, – Тянуть не будем. Вас уже... Стайка ждёт, – показал Консул бокалом.

Хокори поник. Хвост его опустился.

И, Серебринк, кажется, догадался, что пёс имел в виду:

– Выгорел, да? – спросил он по-отечески, – Роль надоела?

Хокори подошёл к нему:

– Да нет! Чтоб моя-то роль надоела? – пожал он плечами и преклонил голову, – Мне же, наоборот, нравится даже! Как-никак часть праздника... Меня любят... Знаешь, даже ощу-

щение какое-то... Какое-то...

– Значимости? – угадала Гайли.

Хокори покивал:

– Точно. Спасибо, красавица. Значимости! Ощущение значимости. Вот! Полетать-попугать я не против, даже речи можно не вести.

– А что же тогда такое? – спросил Серебринк.

– Так вот что: полетать-попугать я готов, но можно, чтобы меня не замораживали, а? – взмолился Хокори, – Ладно, пусть они за мной гоняются, пусть ловят... Я там станцевать могу в воздухе, может, мы там песенку какую споём? Но зачем меня позорить-то? У меня ни одной нормальной фотографии за сотню лет не найдется. Что обо мне братья подумают?..

Серебринк выслушал, оставил поднос и мерно прошёлся по пьедесталу:

– Изменение протокола Небесной охоты потребует времени. С такими вопросами нужно обращаться раньше.

Сводов добавил:

– А обсуждение данной проблемы точно потребует вашего присутствия, – поправил он очки.

– Дорогой, да я же в три часа дня оттаял только! – толкнул его Хокори, – А если сегодня всё пойдёт по-прежнему, то я опять на весь год застряну... Какое уж тут присутствие?

Гайли присела к псу и обняла. Парлок дал ему попить.

Серебринк провёл по усам:

– Значит, нужно, чтобы в этом году выиграли вы.

– Вот и я о том же, – согласился Хокори, – Я даже гриву сбрил! Меня за неё и ловили. Накинут лассо, а грива выбраться мешает...

– Корицу это не остановит, – сказал Консул.

В надежде Хокори бросил взгляд на Скипетр. И зрелище его заворожило. Великий инструмент, “Экстрасоздалис”, вонзённый рукоятью в камень, хранился в галерее древностей.

Внешне он заметно отличался от того, что носил Корица – это была вещь куда более древняя. Такая, можно сказать, божественно монолитная. С куда более изобретательным намерением.

Что, кстати, вполне объяснимо. Всё-таки Серебринку Скипетр подарил никто иной, как 17-Ладошек. Остальные же пять Консул построил сам. Он не располагал сравнимыми технологиями, и потому сэкономил на определённых аспектах. Так что при всём своём желании, точной копии “Экстрасоздалиса” он никогда бы... кхм-кхм... не создал.

Вместо этого он спроектировал пять лёгких сегментированных устройств и снабдил их следящими приводами – вторичные Скипетры могли парить и отвечать на зов владельца.

Светились они тусклее, зато каждый своим цветом. И управлять ими было одно удовольствие: ладони млели на палладиевом покрытии, невесомость не сковывала движения, а наверху направляло взмахи.

Так, если Серебринк всеми силами старался обойтись без Спектра, лишь бы не поднимать снова двухметровую штангу невесть какого сплава, младшие Администраторы боялись ложе покинуть без Скипетра в руках.

Куай-ланг опомнился.

– ...Но ты-то, Женя, остановишь? – спросил он с явным намёком.

Консул тихо усмехнулся. Он прошёлся ещё:

– Если я вмешуюсь в Охоту, комендант Лютикена осмелеет и окончательно доведёт меня просьбами о повышении. А на своём месте Стайка приносит куда больше пользы... Твою проблему, Кент, нужно решать чужими руками.

– И чьими же?

Консул кое-что повспоминал... И пришла ему одна идея:

– Обратился бы ты к талисману, – сказал он.

Хайку много рассказывала о возвращении двух чародеев.

Никаких обстоятельств принцесса, разумеется, не приводила. Либо приводила, но очень расплывчато – Серебринк далеко не в каждом случае интерпретировал её слова так, как следовало бы.

А потому он так рассудил, что ничего не помешает им вернуться и сегодня:

– Где-то в Хромантачи обосновался ученик Тёмного Талисмана, – объяснял Консул, – С последним я очень хорошо знаком. Он мне многим помог в годы воеводства у Мерцающих... И, хочется надеяться, ученик его не менее способен.

Хокори слушал, раскрыв рот, а Серебринк всё продолжал:

– Талисман находит такую последовательность событий, следуя которой, желающий доберётся до желаемого.

– То есть...?

– Да. Делай то, что скажут, и будет хорошо.

– А не обманут? – покосился Хокори.

– Ну я же здесь! – завёл Серебринк руки за спину и позвал интерфейс приёмной, – Вадим Драконович, найдите пожалуйста фотографию светлого талисмана и выведите на второй экран... Как его там звали?

– Господин Прямоушкин, – помог Сводов.

– Точно, – нашёлся Консул, – Фотографию господина Прямоушкина пожалуйста.

Интерфейс приёмной вывел на экран фотографию кота.

И у Хокори всё в пятки ушло. Он выпал из объятий, распластался на полу и прикрыл глаза лапой:

– Я ж говорил с ним на улице! – сокрушался он.

Серебринк развёл руками:

– Осознал своё счастье, да случай ушёл... – процитировал он Тёмного Талисмана, – Такое сплошь и рядом.

Хокори же ревел:

– И как я в нём особу не признал-то, а? И двигается же... И говорит, будто... Я не знаю... А я не признал! – поднялся пёс, разбитый, и спросил сквозь стыд, – Он же и общаться со мной теперь наверное станет?

Консул промолчал. Гайли приголубила:

– Мало ли? Не значит же, что тебе нельзя попытаться!

Хокори ткнулся ей в ладони, вздохнул и оставил сочувствующих позади. Он глянул в окно:

– Мало того, что он сам матёрый такой... Так я его ещё и обидел поди. Не пойду я к нему с пустыми руками. Мяса ему что ли принести? – задумался он, – Ну ладно. Спасибо хоть на этом, Женя. Поищу твоего талисмана. Шумной ночи, ребят!

Благо интерфейс успел завести стекло – пёс благополучно выпрыгнул и ничего не задел.

Серебринк вернулся в ложе. Он положил на колени подушечку, устало осмотрел свиту и ушёл в себя.

– А-а-а... А-а-а... А где-е-е он мя-а-а-со брать собра-а-лся? – трусливо проблеял Парлок.

...Ночь и правда будет шумной.

7. Пускай Звезда купается

Прямоушкин ошибался ещё кое в чём: “аборигены” додумались-таки воспользоваться транспортом. Нет, на кайтобус они, конечно, не сели – Ченгли вовремя сообразил, что вдесятером (на тот момент ещё вдесятером) они доставят попутчикам много проблем.

Так что сели на кай-кай. И у них даже нашлось, что дать взамен – Пелеринка предложила свою единственную опаловую монетку. Это с ней она хотела отправиться в Изобилику, чтобы даже при большом спросе на её размер точно выйти с новой парой туфель.

Но какие теперь могут быть туфли?

Пелеринка держала Ченгли за руку и говорила. Она всё рассказывала и рассказывала. И сейчас её не пытались остановить. Уж очень было интересно – о чём-о чём, а об опаловых монетках, о красивых вещичках и интересных местах чайные феи всегда готовы послушать.

– ...Мы с Колей и Ритой ездили в Озурачи в первую неделю Сотворинка. Мы выходили на прогулки по ночам и собирали опал. Вот. Монетки вообще-то всегда с неба падают, но ночью их лучше видно – в них звёзды отражаются. А в Озурачи их попадает больше всего. Их лучше по бассейнам искать, ближе к Теплинту, потому что те, что на земле валяют-

ся, быстро полёвки растаскивают. Вот... Ну мы по дну и ходили – целые корзинки собирали. Я тоже по две-три в подоле уносила. Разрешали оставить. Да. Там же главное – до восхода успеть. На восходе туда приходят от Администраторов и забирают всё-о дочиста. Сколько-то опала они оставляют себе, а остальной – пускают по рукам. Но что точно, они вытаскивают из монет самое главное, – таинственно наклонилась фея, – Внутри этих монеток – осколки. Мне Коля показывал. Если монетку расколоть, много чего найти можно. Там такие штуки, которых на Эквалюниуме нет и не было... Это с других миров остатки. Планеты рушились, звёзды гасли... А то, что осталось, теперь к нам падает. Вот.

Пелеринка рассказывала прямо как Шант Ханум. Бабушка приезжала иногда в Сахарочи и также собирала фей вокруг себя. Она приносила с собой оранжевый светильник и ставила посреди круга. Так и сидели до самого вечера.

В Сахарочи даже специальная полянка есть для таких сборов. Она оформлена со вкусом. К ней ведёт тропинка через трубуковый лес.

– А зачем они забирают осколки? – залез Коулун на тумбу.

Пелеринка игриво прищурилась:

– Они превращают их во всё, чем мы пользуемся. Коля говорил, что Изобилика... Вон там, – показала она, – Это одна большая фабрика. И там такие машины стоят... “Филоп-

софские” называются, которые превращают одно в другое²¹. Вот только с едой они так не могут...

Ченгли сдерживал позывы и криво улыбался. Ну уж очень долго говорила Пелеринка на одном дыхании. И насколько же хорошо работала её память! Ни на минуту не остановится продумать фразу. Одна за одной, одна за одной, нескончаемым потоком. Конечно, корявенько иногда звучало... Но не Ченгли её за это упрекать.

Притом, он тоже находил её речи полезными.

А вот транспорт такого мнения не разделял. Четырнадцать чайных фей сменили уже три кай-кай. Вернее, кай-кай раз за разом сбегивали их друг другу.

– Сам поймёшь! – бросал один кай-кай другому и быстро скрывался в переулках.

С последним было то же самое. И он уже давно всё понял. Но вот ему предавать пассажиров не хотелось. Притом, двигаться-то осталось всего около 500 метров... И, о 17-Ладосек, спасибо, что в Изобилике закрыли сквозное движение!

Ченгли обдумывал порядок действий. Перед ним стояло два вопроса: первый – насчёт Птиц, второй – насчёт талисмана. С первым было более-менее ясно: устранить, и всё на этом. Нет, разумеется, расчехлять веера Ченгли командует только в самом крайнем случае. Ведь так-то у него на уме была идея предложить Стайке партию в шахматы... Или во

²¹ “Философские механизмы” – это поэтическое название для Трансмутаторов, спектральных машин, предназначенных для преобразования физических тел.

что-нибудь другое.

Всё-таки достойный соперник всегда предпочтёт потасовке адекватную честную игру.

Со вторым же вопросом было несколько сложнее – господин Прямоушкин просто исчез. Подумать только, три часа чайным феям удавалось не выпускать его из виду... А тут, секунда – и его нет.

Положение озадачило.

Ченгли задорно рассуждал вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.